

Айя Сафина

НИНА

СРЕДИ МОНСТРОВ
КНИГА 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айя Сафина

Нина. Книга 3. Среди монстров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33834209

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2183-6

Аннотация

Пастаргаи продолжают наступление. Чутье Нины медленно прокладывает тропу к загадочному лидеру Пастаргаев, который не оставляет попыток уничтожить империю Эрика. Героиневый король оказывается втянутым в противостояние крупных боссов, но он даже не представляет, что на страже Эрика стоит экстрасенс. Нина решается на рискованный шаг. Ей предстоит спуститься к самым истокам своего проклятого дара, чтобы заключить сделку с собственными монстрами ради победы в войне. И плата за их услуги, как всегда, высока. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. И открылась дверь	4
2. Прощай пустельга	40
3. Настало время сеять хаос	106
Конец ознакомительного фрагмента.	157

1. И открылась дверь

Лучи зимнего рассвета забрезжили на горизонте, посылая яркий свет точно на закрытые измученные бессонницей веки. Эрик зажмурился и повернулся на другой бок. Но сон, как не шел всю эту ночь, так и не намеревался посетить его даже сейчас в раннее утро, хотя тело просто кричало от усталости. Мозг всегда сильнее тела, так что хочешь или нет, но придется подчиняться этому сгустку извилин и серого вещества. Очередная бессонная ночь. Эрик уже потерял им счет за последние месяцы.

Эрик сел в кровати, чувствуя, как ярость от недосыпа готова убить любого, кто встретится ему сейчас на пути. Надеюсь, это будешь не ты, Фидо. Уж слишком ты хорош, как телохранитель. Да и гренки у тебя получаются очень вкусные и сочные с чесноком и розмарином.

От мыслей о еде живот забурлил и скрутился в узел, точно его не кормили целую вечность. Ненасытное чудовище.

Эрик с трудом встал с кровати и, пошатываясь, побрел на кухню. Дверь в спальню Нины, как всегда была приоткрыта, и Эрик не удержался от желания взглянуть на нее спящую, а может такую же ворочающуюся во сне. Но к его удивлению Нины в спальне не оказалось. Эрик даже заглянул под кровать и в шкаф. Нины иногда появлялись подобные странности прятаться в укромных местах, словно она была домаш-

ним котом, выползающим из невообразимых тайников по звону колокольчиков любимой игрушки.

Эрик отправился на поиски Нины, хотя поисками это назвать сложно, потому что он знал, где ее найти. Эрик набросил на себя теплый плед и обулся в тапки. Дверь на балконную террасу закрипела от инея на стеклах. Морозная свежесть утра тут же набросилась на прозябающую теплую человеческую плоть, словно соскучилась по ней, как по старой подруге.

Эрик подернул плечами, а от вида Нины, застывшей у парапета со взглядом, обращенным на город, у него в прямом смысле сжалась мошонка: Нина стояла босая на ледяном покрытом снегом мраморном полу в шелковом халате, соблазнительно спадающим с одного плеча. В другое время Эрик бы посчитал эту картину притягательной, завораживающей, возбуждающей. Но не сейчас, когда на улице минусовой градус!

– Нина! – воскликнул Эрик.

И тут же заторопился к девушке. Он хотел было снять с себя плед и укутать ее, но потом понял, что слишком эгоистичен для подобного жеста, потому что сам бродит в одних брюках с голым торсом, а потому обнял Нину и прижал к себе, закрыв пледом обоих.

– Ты чего делаешь? Ты же заболеешь!

А сам поразился тому, насколько у нее горячее тело, словно она была охвачена огнем! Эрик никогда не понимал сек-

реты ее метаболизма, но походу он был схож с тем, какой имеют оборотни! Сколько раз он заставлял ее вот так в одних лишь платящих да майках посреди балкона в холодные ночи. Ни дождь, ни северные ветра, ни теперь снег не были для Нины помехой. И только встревоженные возгласы Эрика заставляли ее зайти обратно в дом. Он все переживал, что Нина заболеет, и поначалу боялся гнева Яны, теперь же он переживал за нее из-за собственных чувств. Но Нина ни разу не кашлянула или шмыгнула после таких закаляющих прогулок, а ведь здоровье у нее было хуже, чем у больного СПИДом.

– Мне жарко, – измождено произнесла Нина.

Эрик чувствовал, что она чем-то измучена, обессилена. Она положила затылок ему на грудь и закрыла глаза.

– Пойдем внутрь, хватит охлаждаться тут! – ответил Эрик и вдруг почувствовал себя так глупо в роли мамочки.

– Что-то изменилось, – устало прошептала Нина.

Эрик прислушался.

– Я как будто вижу их... Раньше не видела, а теперь... что-то изменилось.

– Ты говоришь про Пастаргаев?

Нина едва заметно кивнула.

– Я никогда не встречала их, не касалась, не была так близка к ним, как в тот день. И мне кажется, после него все изменилось. Теперь я слышу их, чувствую, и даже вижу иногда.

Образы то и дело мелькали перед глазами, и Нина была не

в силах их остановить. Они все накатывали на нее огромными содержательными волнами с тысячами картин, запахов, звуков, вкусов внутри. Нине приходилось тратить невероятное количество усилий, чтобы переработать всю эту бескрайнюю массу: вычленив в них смысл, разобрать на детали, распределить по ячейкам. Когда сумбур в голове спадал, и Нина уже могла четко рассмотреть собранные паззлы, новая волна образов атаковала мозг, и ей приходилось начинать все заново, дополняя предыдущие картины новыми деталями. Это занятие требовало невероятные объемы энергии, и мозг Нины буквально кипел от напряжения. В такие моменты ей становилось невыносимо жарко, словно все ее внутренности превращались в куски кипящей магмы, а кровь – в шипящую лаву.

Нина не могла спать, потому что во снах образы штурмовали мозг еще сильнее, и Нина боялась потеряться в них, потерять саму себя, отдавшись на растерзание Монстрам, которые скреблись как сумасшедшие в эти моменты. Они завывали, заводились в агонических криках, рычали и бесновались точно демоны на шабаше. Они впитывали поток образов вместе с Ниной и не позволяли ей убежать от этой участи.

– Расскажи, что ты видишь, – попросил Эрик.

Дыхание Нины участилось, сердце выдавало скорость ударов под двести в минуту, а тело покрылось испариной.

– Руки... его руки. Могучие сильные руки того на бере-

гу... он словно сжимает меня, теребит в руках, наматывает... нюхает... и голос. Карим. Но, он другой. Он не такой, как прежде. Он слабый. Как будто не он главный.

Нина закрыла лицо руками.

– Как же трудно видеть! – воскликнула она.

Эрик молчал, не мешая Нине сосредотачиваться, но мысленно умолял ее продолжать.

– Есть что-то еще, и я все никак не могу добраться до этого. Как будто мы что-то упускаем. Что-то очень важное!

– Ты видишь Пастаргаев? – наконец, осмелился спросить Эрик.

Нина медлила с ответом, но поток закивала.

– Их тоже вижу...

– Тоже?

Нина зажмурилась.

– Тот мужчина на берегу... Арнольд... его зовут Арнольд! Арн... он не такой, как они.

– Что ты хочешь сказать?

– Он не один из них! У него нет татуировки! Он не Пастаргай!

– Но ведь он с ними заодно с самого начала, – не понимал Эрик.

«Но ты ведь понимаешь, что за ними стоит кто-то очень видный и опытный?» – пронесся голос Йоакима в голове.

Эрик начал понимать, что Нина хотела донести до него. Пастаргаи – это такой же отвлекающий маневр, как и Жгу-

чий Карлик! Они все это время пытались найти Карима, но, похоже, искать надо было совсем другого! Тот, кто руководит всем этим переворотом, специально отвлек внимание Эрика на Пастаргаев, чтобы тот бросил все свои силы на их поиски и ликвидацию. Пастаргаи со своими татуировками – просто пустышка. Они – всего лишь инструмент, используемый на определенном этапе. Подобно хирургическому зажиму, который бросают в ведро со спиртом после исполнения своей функции. Но операция продолжается.

– Там есть что-то глубже, и это пугает меня, потому что я чувствую, что это – нечто страшное. Нельзя позволить им выйти из бездны... – шептала Нина.

Эрик с трудом понимал ее речи, но чувство беспокойства передавалось ему невидимыми потоками прямо из самой Нины. Она предвещала приближение какой-то трагедии.

И вдруг Эрик завелся. Его невероятно взбесило то, что он стоит здесь и трясется от страха перед группой каких-то ублюдков, возомнивших себя достойными управлять империей! Да пошли они к черту! Он – Эрик Манн! Он всю жизнь ломал смельчаков и заносчивых гордецов похуже этой мелкой банды! Сколько можно вести переговоры и придумывать хитрости? Почему нельзя поступить так, как раньше – заявиться к ним в логово, застать врасплох и разделаться с ними без капли сожаления? Он устал быть цивилизованным! Он устал решать загадки и головоломки, придумывать новые стратегии и пытаться выудить Пастаргаев, или кто бы там не

стоял за ними, из нор! Он сам придет к ним! Похоже, этот город так и ждет неприятностей, раз продолжает испытывать терпение Эрика Манна! Кажется, они все забыли о том, каким беспощадным он был во времена своего становления. Пора бы им напомнить!

Эрик развернул Нину лицом к себе и потряс за плечи, чтобы привести ее в реальность:

– Нина! Ты можешь их найти? – решительно спросил Эрик.

– Что?

– Ты говоришь, что видишь их. Ты можешь описать место, где они находятся?

– Место не одно... я вижу несколько.

– Отлично! Нина вот мой следующий вопрос: где эти ублюдки?

Нина с ужасом уставилась на него.

– Ты не понимаешь, о чем просишь! – испуганно залепетала она.

Найти такое количество людей? Где-то на самых дальних задворках сознания Нина понимала, что ей это под силу. Она способна вычислить их местоположение вплоть до метра, она даже может прочесть их мысли и увидеть прошлое за их плечами. Но чего это будет стоить? Использование способностей в таких масштабах непременно ослабит ее и физически, и душевно. А только этого Монстры и добиваются, на это направлены все их усилия.

– Нина, это важно! – настаивал Эрик.

Он смотрел в ее испуганные глаза, и угрызения совести заскреблись в душе. Как он может просить о чем-то подобном? Ведь он прекрасно понимает, что использование ее силы не бесплатно. Нина очень страдает за каждую подобную вылазку по его просьбе. Но в то же время им двигало желание окончить, наконец, эти бессмысленные распри, потому что исход у них может быть только один – Эрик должен победить!

– Эрик, это будет очень сложно, – тихо проговорила Нина, – мне придется нырнуть очень глубоко. А за это плата всегда высока.

Эрик взял Нину за руки и поднес к губам.

– Я осознаю это. И мне непросто просить тебя об этом. Но ведь ты сама чувствуешь надвигающуюся угрозу! Я хочу предотвратить ее! Я хочу остановить бессмысленные смерти!

Нина не смела смотреть ему в глаза, хотя он бы очень хотел увидеть в них одобрение его затее.

– Я верю, что правда на моей стороне. И я верю, что мне удастся победить в этой войне, потому что у меня есть то, чего нет у них. У меня есть ты! Я делаю ставку на тебя!

Нина буквально выла от груза ответственности, только что опустившегося на ее плечи, точно наковальня из глупого мультфильма. Эрик был прав, и правда эта была жестока. Нина имеет невероятные способности, и она обязана ими

воспользоваться, чтобы исполнить свое предназначение. Тори бы сейчас сказала, что визит Эрика в тот судьбоносный день в лечебницу, был неслучайным. Сам бог велел прийти ему туда и спасти Нину из безумного места, где она буквально гнила заживо. Но в чем тогда был смысл ее спасения, если она по-прежнему не сделала ничего стоящего из того, что позволяли ей способности? Она просто тратит их впустую, спасая жизни друзей снова и снова. Ведь можно постараться всего один раз и избавить их всех от опасности навсегда! Разве такое будущее не прельщает? Да, она заплатит дорого за это, Монстры так и шепчутся в предвкушении ее крови, но вот Эрик держит ее за руки, и она верит ему беспрекословно! Она верит в его избранность и готова отдать жизнь во имя своей веры.

– Хорошо, – наконец, выпалила Нина, заразившись храбростью и энтузиазмом Эрика, – но нам нужно подготовиться!
– Все, что захочешь!

В полдень на следующий день квартира Эрика заполнилась молчаливыми людьми, которые не до конца осознавали, что происходит, и в чем состоит их задача. Эрик всего лишь разослал сообщение, гласившее «Сбор в у меня в полдень».

Эрик не сразу понял, что под приготовлениями Нина имела в виду людей. Разумеется, здесь присутствовали все члены компании, но помимо них химик Винс, Левий, старик Локк и кое-кто из телохранителей, например Фидо, Учтивый Карл и еще несколько бойцов. Многих из них Нина даже не знала

лично, но ей это было ни к чему. Она выбирала, основываясь лишь на своем чутье. Ей не надо знать человека самой, ей достаточно увидеть его образ и определить, насколько сильно он связан с Пастаргаями, отведут ли его воспоминания к ним. Потому и выбор людей был предопределен.

– Фотографии принес? – спросил Эрик у Макса, который тоже был выбран неслучайно. Он возглавлял группу слежения за Пастаргаями.

– Как просил, – прохрипел безголосый боец и отдал толстый желтый конверт.

Эрик тут же положил их на журнальный столик перед Ниной, сидевшей в кресле, и жутко нервничающей. Еще бы! Ей предстояло невероятно сложное путешествие!

– А что происходит? – спросил чавкающий никотиновой жвачкой Винс.

Нина впервые увидела эту удивительную личность вживую. Его лохматые рыжие волосы до плеч выбивались из-под трикотажной серой шапки, его лицо было усыпано веснушками размером с горошины, широкие трико и футболка поверх толстовки говорили, что он задержался в студенческом возрасте дольше разумного. Он смачно разжевывал жвачку и одновременно сосал леденец. Его правая нога выстукивала мандражный ритм, свидетельствуя об упорной борьбе с никотиновой зависимостью.

Но никто ему не ответил, просто потому что никто этого не знал, а из-за задумчивого и даже угрюмого выражения

лица Эрика все боялись спросить.

– Ну, что ж. Думаю, пора начинать, – сказал Эрик, притягивая внимание всех присутствующих.

Он посмотрел на Нину. Та едва заметно кивнула.

Приглашенные подошли ближе к зоне отдыха гостиной. Кто-то разместился на диванах и кушетках, другие стояли позади. Всего около пятнадцати человек.

– Позвольте, я объясню, что сейчас будет происходить, – голос Эрика непривычно дрогнул.

Он готовился сказать нечто несуразное и чудноватое.

– Вы все здесь сейчас будете играть роль своеобразной антенны.

Эрик сделал паузу, чтобы все переварили его первую фразу, после чего продолжил:

– Нина постарается найти основные точки базирования Пастаргаев, и для этого ей понадобится наша помощь.

Эрик снова замолк.

В гостиной никто не произнес ни слова, все лишь вопросительно поглядывали друг на друга, мол, ты тоже это услышал? Но вопросов никто не задал. Слухи о способностях Нины уже давно вышли из разряда обычных пересудов в разряд привычной странности, что-то типа собственного привидения, которого водишь за собой на поводке. Странно? Да. Но после пары-тройки таких визитов, явление становится привычным.

Рудольф откашлялся и спросил:

– Нина, как мы можем помочь тебе?

– Когда почувствуете меня, не сопротивляйтесь, – тихо ответила она.

Атмосфера стала напряженнее. Мужчины тяжело повздыхали, осознавая, что сейчас откроются для нее, как книги. Хотя она определенно и без того уже знала многие их секреты, но теперь-то они в буквальном смысле пригласят ее в свой интимный мир.

– Она что залезет ко мне в мозг? – презрительно воскликнул Винс.

– Либо она залезет к тебе в мозг, либо я его вышибу! – резко ответил Эрик.

Винс поднял в воздух руки, потому что даже и не собирался противиться воле Эрика. Хочешь мои трусы? Ради бога! Хочешь инспектировать мой мозг? Пожалуйста!

– Я не буду трогать ваши секреты, – говорила Нина, уставившись в пол. – Мне нужны лишь Пастаргаи.

– Но я ничего о них не знаю! – удивленно произнес Локк.

И это было правдой. Старик Локк отвечал за один из путей доставки гашиша от Абея к Эрику, и в данный момент он без устали трудился над налаживанием поставки марокканского гашиша через Малагу. Благо, Зибор и Куба активно помогали, но даже с ними коридор испытывал интенсивные нагрузки, совмещая гашиш с героином. Слишком многое приходилось держать под контролем, поэтому Локку было не до основного конфликта.

Нина взглянула на старика, он, действительно, ничего не знал о Пастаргаях, даже не встречался хоть сколь-нибудь отдаленно. Но когда она смотрела на него по другую сторону реальности, она видела отчетливые образы Пастаргаев, мелькавшие вокруг него, и это представлялось ей загадкой. Как и многие другие аспекты ее способностей. Где же ее энциклопедия?

– Тебе и не нужно, – произнесла Нина. – Ты всего лишь направишь меня на нужный путь. Не знаю, как это объяснить, но я чувствую, что твоя энергия отведет меня к ним.

Присутствующие занервничали хоровым ансамблем, но сдерживали эмоции и страхи. Что ж, раз девчонка уверена, что каким-то невероятным образом сможет достичь этих ублюдков, надо ей помочь!

– Что нам делать? – спросил учтивый Карл. Он был солдатом и приказы для него должны быть четкими.

– Просто думайте о них, вспоминайте. Их лица, голоса, события, связанные с ними. Думайте о том, что связывает вас с ними.

Мужчины напряглись, а Нина глубоко вздохнула и уставилась на стол перед собой, пока взгляд ее не затуманился и она не отправилась в другой мир.

Образы закружили почти мгновенно, слишком высока была концентрация мыслей от присутствующих людей. Эрик был прав, когда сравнил их с огромной антенной, после того, как Нина объяснила ему свой план. Она никогда раньше по-

добным не занималась, она никогда не использовала мысли и энергию сразу нескольких людей для своих путешествий, никогда еще она не заходила так далеко, и она раз за разом возвращалась к этому важному факту, акцентируя свои опасения перед Эриком. Ведь именно он должен быть готов ко всему, что может произойти. Монстры обязательно попытаются вылезти наружу, в этом не было ни капли сомнений, и Эрику вменялось ни за что этого не допустить! Он дал Нине клятву, что будет сдерживать Их всеми силами.

– Эрик... начинается...

Шепот Нины прозвучал надрывно напряженно, дыхание участилось, а ноздри Нины так и раздувались, словно она бежала на марафоне. Эрик почувствовал, как она крепко ухватилась за его ладонь. Эта хватка была чем-то больше, чем просто жест, она словно была единственным, что могло удержать Нину от падения в мрачную пропасть. А потому Эрик сильно сжал ее ладонь в ответ. Он дал слово оберегать ее. Будь уверена, Нина, он не отпустит тебя!

Образы перестали быть посторонними, чужими и смело окружили Нину своим далеким отсюда, но реальным миром. Вот уже незнакомые люди бродят вокруг нее. Она слышит завывание ветра откуда-то через разбитое окно прямо здесь в комнате, обшарпанные кирпичные стены и непонятная кислая вонь, вызывающая рвотный рефлекс. Но в то же время Нина знает, что в этой комнате нет окон, здесь темно и сыро, а над головой трясется люстра от проезжающих наверху

огромных фур. Тут же рядом слышен гомон десятков людей, и дребезжащий звук таблеток в пластиковых коробах, высланных на ряды столов.

Монстры слышат, как скребутся мыши где-то под полом. Они чуют запах выхлопных газов, собравшихся под крышей из стальных листов. Они высчитывают капли, падающие в ванную, заполненную грязной водой. Они наострили уши и ноздри, и Нина копировала Их повадки, точно дрессированный пес. Она водит носом и вынюхивает желанный запах. Она знает, чего жаждет, она ищет металлический солоноватый дразнящий запах крови. И вот она уже стоит вместе с Монстрами на четвереньках, изгибаясь в суставах и выворачивая сломанные кости, а в груди, точно там, где должна быть душа, она чувствует лишь безудержный голод и неутолимую жажду. Их яд течет по венам и заставляет все тело чесаться от изнеможения. Ей нужна кровь! Ей нужна боль! Ей нужны крики! Им нужны страдания!

Образов так много, а голосов и мыслей еще больше!

— ... что-то другое?

Громкий сигнал пронесшейся фуры.

— ... не говорит... его семью...

— ... пакуй по тридцать...

— ... новые партии... в среду...

— ... повеселимся вечером... там много девок молодых...

Нина улавливает лишь сумбур из разговоров и мыслей, они доносятся до нее из нескольких мест сразу.

Мужской смех отдается эхом по гулким подземным стенам.

– Продолжай... его семью...

Нина напряглась, предаваясь привычному занятию – подобно ученому селекционировать видения, вычленять в них логику и создавать единую картину. Она нырнула так глубоко, что теперь находилась в нескольких местах одновременно, оставалось лишь выбрать направление – куда пойти в первую очередь?

Монстры сделали выбор за нее. Они точно магниты, Их всегда притягивают следы смерти.

Монстры повели ее по ночным улицам, заполоненными толпами людей, терзаемых новогодней суетой, проволокли по подземным туннелям метро, пахнущими смолами и жжеными проводами, вытащили наружу и повели вдаль от скопища городских огней, в заброшенные бетонные джунгли, все выше и выше к самому небу.

По мере приближения к искомому месту, два мужских голоса становились все отчетливее и громче. Они пахли болью и пытками.

Внезапно, Нина почувствовала толстую мужскую ладонь, крепко обхватившую ее за шею, и в следующую секунду ее резко погрузили под воду. Нину топили.

Закрытые веки Нины трепетали, она настойчиво искала в неизведанном Эрику мире ответ на его вопрос. Он продолжал держать ее за руку в гробовом молчании гостиной, на-

полненной удивленными изучающими взорами людей, не до конца осознающих, что здесь происходит.

«Давай, Нина. Ты сможешь», – думал про себя Эрик, не зная, слышит ли она его мысли.

Внезапно Нину резко прижало к спинке кресла, словно нечто тяжелое навалилось на нее сверху. Нина выпучила глаза, и в них проступал явный ужас. Она уставилась в потолок и начала брыкаться ногами и руками, но никак не могла избавиться от невидимого прижавшего ее врага. Нина схватилась за горло, и Эрик понял, что что-то сжимало ее горло, потому что она так отчаянно пыталась избавиться от напасти. Она не могла вдохнуть и Эрика это напугало. Он опустился перед Ниной на колени и сжал ее ладонь еще сильнее.

– Нина, я здесь! – произнес он.

Эрик не знал наверняка, чем мог ей помочь, но почему-то был уверен, что не в силах побороть невидимого противника, это подвластно только Нине, и для того, чтобы она победила, ей необходимо напоминать о том, что Эрик рядом. Она должна знать, что все, что она там видит и слышит, каким бы реальным оно ни казалось, здесь оно не настоящее, здесь есть только Эрик, и с ним она в безопасности.

А Нину продолжали топить. Она лежала в ржавой ванне, заполненной мутной вонючей ледяной водой, наполнившей нос и глаза, отчего их стало распирать и щипать. Она вдруг вспомнила своих детей: пятилетний Джозеф, он такой сообразительный и послушный, он уже пошел в первый

класс! И малышка Джулия, ей всего два месяца, и Рите так нужна помощь в уходе за малышкой! Любимая Рита с длинными черными волосами, заплетенными в густую косу! Она всегда прекрасна, и роды лишь еще больше украсили ее добротной грудью и сладким запахом заботы и любви. Лишь темные круги под глазами от недосыпа накладывали тень на ее прелестное лицо. Нина не может оставить их сейчас! Никак не может! Нина обязана вернуться домой, иначе Рита не справится сама, а малыши Джозеф и Джулия навсегда возненавидят этот мир за то, что остались без отца!

И в последнюю секунду, когда Нина уже почти вдохнула воды, ее резко выдернули на поверхность.

Нина вдруг издала громкий вдох, словно к ней внезапно вернулась способность дышать, она начала откашливаться и набирать ртом воздух. Атмосфера в гостиной стала напряженной. Мужчины переглядывались взорами, полными вопросов и непонимания.

– Пожалуйста! Не надо! – выпалила надрывным голосом Нина.

Она зарыдала. И это были ее рыдания, ее слезы, ее мольбы мучителям прекратить.

Но тот, кого эти ублюдки истязали, на самом деле произнес:

– Идите к черту! Ни хрена вы не узнаете от меня! Кучка молокососов!

«Прости, Рита! Простите, Джозеф и Джулия! Я вас

люблю!»

– Пожалуйста, не надо! – ревела Нина, наблюдая за развитием трагедии со стороны.

Эрик занервничал. Он не понял, кому предназначалась эта просьба. Нина просит его перестать мучить ее? Или же она разговаривает с Монстрами? Или же с кем-то еще? Впившиеся в спину обвиняющие взгляды присутствующих заставляли нервничать еще больше, ведь они не понимали, что такое Нина.

Но мучители не слышали ее молитв, и грубая жесткая рука снова прижала Нину ко дну, и вониючая вода снова заполонила рот, глаза и нос.

Видя, как Нину снова что-то атаковало, Эрик понял, что ситуация выходит из-под контроля. Это недопустимо! Ведь он же здесь не просто для того, чтобы сидеть и смотреть, как бедная Нина один-на-один пытается справиться с неудержимой силой, заставляющей поверить в то, что сон происходит наяву! Если Рудольф прав, и Нина оказалась с ними не случайно, то и Эрик оказался рядом с ней по какому-то умыслу! Эрик здесь для Нины. Он должен помочь ей бороться с Монстрами, которые вот-вот норовили затащить ее в мир, наполненный болью и кровью, и заставить поверить в его реальность.

– Нина! – позвал Эрик. – Не это главное! Оставь их! Мне нужно знать место! Скажи, где ты!

Нина продолжала извиваться в кресле, пинаться и бороть-

ся с невидимой рукой.

– Нина! Ты не там! Ты всего лишь смотришь на них! Продолжай только смотреть!

Голос Эрика был таким чужеродным этому видению. Он не должен в нем присутствовать, а значит, Нина не здесь. Нина где-то в другом месте. И как только Нина подумала об этом, она тут же вспомнила, что она и впрямь не здесь, не под водой, не в этой ванной, и умирает здесь не она! Она далеко отсюда, и сюда она пришла только для того, чтобы взглянуть.

– Нина, – позвал Эрик, – осмотрись. Скажи мне, где ты. И вдруг все замерло.

Нина открыла глаза. Через толщу грязной воды на нее смотрело лицо убийцы. Но он был нереален. Он был далек от нее. Он – не ее убийца. Его рука больше не имела силы, и Нина медленно приподнялась на локтях и вынырнула на поверхность.

Мужчина был довольно молод, но мускулист не хуже других. Светлая шевелюра волос, затянутых сзади в хвост, отпущенная борода и усы были не так густы, как у собратьев, в силу возраста, а из-под рукава футболки на мощном предплечье виднелась татуировка черепа в берете. Несмотря на то, что он был достаточно молод, его синие глаза сверкали таким гневом, словно он прожил целых десять жизней, наполненных болью, страданиями и пытками.

Нина видела его раньше. Она видела его глазами Марселя

на набережной. Они вели перестрелку друг с другом.

К несчастью Джозефа Старшего, через час его убьют, а перед этим будут шантажировать жестокой расправой с семьей. Джозеф Старший поймет, что не в силах стать причиной смерти любимой жены и детей, а потому даст имя и местожительство одного из связанных Эрика, работающего на канале доставки кокаина в Испании.

Эрик продолжал сжимать руку Нины, ее пальцы уже посинели, но ни она, ни Эрик не обращали на это внимание. Нина успокоилась и теперь сидела в кресле, уронив голову на подголовник и также пристально уставившись в потолок, осторожно изучая нечто, нависшее над ней.

– Здесь холодно, – вдруг произнесла она.

Эрик тут же защелкал пальцами в сторону Марка, который немедленно включил диктофон для записи ее слов. Эрик не желал упускать ни единой мелочи.

Холод был ледяным, ведь Нина лежала в воде, а ветер, завывающий сквозь разбитые окна, что она слышала раньше, оказалось, принадлежал именно этому месту.

Нина погрузилась в голову убийцы настолько, насколько позволяли способности.

– Это высокое здание. Здесь очень много этажей... семнадцать... да... семнадцать. Здесь никого нет. Никто не живет здесь... и не жил. Здесь никогда никто не жил, – повторяла она.

Нина повернула голову набок и ледяная вода тут же за-

лилась в ухо, отчего пробрала щекоочущая дрожь.

– Здесь нет стекол, здесь очень высоко, – шептала Нина, – я вижу рекламный щит...очень большой...

Нина напрягла взгляд. Рекламный баннер насчитывал столько же лет, сколько и этот недострой, а потому практически выцвел, стерся, ветер и осадки оторвали местами куски полотна.

– Город «...од...»...Добро пожаловать в мир будущего... первые эколофты и хайфлэты...очередь...сентября восемьдесят седьмого... – читала Нина остатки слов.

Внезапно, Макс ударил по колену. Присутствующие немедленно ответили молчаливыми вопрошающими взорами.

– Я знаю, где это! – беззвучно проговорил Макс губами так, чтобы все смогли прочесть.

Эрик был счастлив! Его идея работала!

– Нина! Ты – молодец! Ты на правильном пути! Мы знаем, где они!

– Город Нордберг в северном пригороде! Там еще в восьмидесятых забросили недостроенный жилой комплекс! Я в молодости хотел купить там квартиру! Слава богу, не взял! Компания так и не выплатила дольщикам их взносы! А скандал быстро замаяли, потому что Нордберг принадлежал капитану Табару! – громко шептал Макс, объясняя присутствующим место, что узнал из описания Нины.

Эти факты были известны лишь криминальным кругам.

Тридцать лет назад сомалиец капитан Табар владел практически всем гашишным наркотрафиком, пролегающим через столицу. Но при последнем переделе территорий, когда Эрик, наконец, отхватил свой огромный кокаиновый и героиновый кусок, капитан Табар был убит охотниками за гашишем. Никто точно не знает, кто именно напал тогда на его кортеж, потому что после его смерти правление гашишными путями переходило из рук в руки между различными бандами, не уступающими друг другу по силе и количеству людей. Творился настоящий хаос и беспредел. Каждый день в новостях звучали все новые цифры убитых в перестрелках и нападениях. И на долгое время в таком сумбуре гашиш не мог найти себе место среди людей, пока, наконец, Эрик не набрался сил и не объединился с Абелем для заключительного аккорда в истории конопляного вещества, который поставил, наконец, точку в бесконечной войне за его обладание.

А мечта капитана Табара о жилом комплексе из высоток, построенных по новейшим технологиям, и согласно последним дизайнерским разработкам канул в лету вместе с его деньгами. Обманутые дольщики так и не добились справедливости для себя, в те времена правительству было не до простых граждан. Передел территорий между криминальными авторитетами был кровоточащей мозолью на пятке.

Нина краем глаза увидела образы из головы Макса и поняла, что они и вправду совпадают с тем, что она видит сейчас сама. Правда в воспоминаниях Макса этот рекламный

баннер выглядел куда свежее и новее. Теперь же то место, которое предназначалось для живых, превратилось в царство мертвых домов с одиноким ветром, гуляющим по заброшенным мусором закоулкам и облупленным коридорам, изредка становящимися убежищем для бомжей.

«Ты нашла их, Нина! Ты нашла их!»

Голос Эрика становился все тише и дальше, превращаясь в едва различимый шепот. Он сливался с шепотом Монстров и все больше вливался в их общий злоеющий хор.

«Ты нашла их, Нина».

«Им не спрятаться».

«Они все умрут».

«Мы придем туда и разможем их черепа».

«Разворошим их кишки».

«Мы убьем всех до последнего».

«Ты нашла их для нас, Нина».

«Ты – одна из нас».

«Убийца!».

И в эту секунду туман из образов вдруг рассеялся и картины стали четкими настолько, что она слышала биение сердец и падающие на пол капли крови, видела каждый атом крови, разливающейся из еще теплых тел, чувствовала первобытный страх десятков людей, застигнутых врасплох беспощадным хищником.

Нина пребывала в будущем.

Она стояла возле той самой ванны, где только что ее

безжалостно топили, выведывая тайны. Но теперь ее мучитель распростерся на полу с изрешеченной грудью, его синие глаза больше не источали гнев, они, вообще, больше не излучали ничего! Они мертвы. Все они здесь мертвы! Целое царство мертвецов!

Нина стояла в центре обложивших ее трупов бойцов, их было не меньше двадцати! Многих из них она знала глазами Учивого Карла, Макса, Дэсмонта, Марселя, Рудольфа и всех остальных, что питали сейчас ее силы своими воспоминаниями и мыслями.

Нина нашла одно из логов, и вскоре туда нагрянут люди Эрика, и они не будут милосердны. Нина только что навела точный прицел на целую группу людей, и все они вскоре погибнут из-за нее!

Дыхание снова стало сбиваться, сердце возобновило беженый ритм. Они все умрут! Они все умрут из-за нее!

«Убийца» – шептал проклятый Монстр.

«Ты – одна из нас!».

«Ты – убийца, Нина!».

Их голоса начали приобретать силу, и вот Они уже громким и радостным хором распевали визжащими от боли голосами:

«Убийца! Убийца! Убийца!».

Нина заткнула уши, не в силах больше терпеть Их жуткие вопли, но трупы, разбросанные вокруг, смотрели на нее стеклянными глазами и шептали в такт Монстрам, и по их

губам она вновь и вновь читала это роковое слово «убийца».

Рука врага стала снова обретать силу, и в следующую секунду Нину продолжили топить в злополучной ванне, сжимая горло все сильнее.

– Пожалуйста! Не надо! – всхлинула Нина, предчувствуя скорую жестокую смерть Джозефа старшего.

– Убийца! – протянул шепот.

Нина замерла от ужаса – душитель превратился в одно-го из ее Монстров, и теперь синяя изодранная в клочья рука трупа сжимала ее горло.

– Нет! – завопила Нина.

Но в следующую секунду Монстр погрузил ее на дно.

– Нина! Ты говорила, что мест несколько! Нина, иди туда! – командовал Эрик.

Но Нина, извиваясь, сползла с кресла. Ее начали бить судороги, Эрик понял, что начался припадок. Теперь ее атаковали вовсе не образы, а кое-что похуже. Чертовы Монстры рвались наружу.

– Нина! Послушай меня! – Эрик обхватил руками голову Нины. – Борись с Ними! Не подпускай их к себе! Они всего лишь проекции в твоем мозгу! Они не имеют реальной силы над тобой! Только ты! Только ты можешь владеть собой, своим телом, своей душой! Они не имеют на это право!

Глаза Нины широко распахнулись, их цвет приобрел невероятно светлый оттенок серого, словно они сверкали изнутри таинственным светом. Нину била мощная дрожь, тело не

подчинялось контролю, но вот взгляд ее был твердым и уверенным.

– Не имеем права?! – заревела она надрывистым хриплым голосом, будто ее голосовые связки разрывались от напряжения.

Эрик замер.

– Она наша! Она наша! Она наша! – кричала Нина, впиваясь убийственным взглядом в Эрика.

Он вспомнил, что в тот день в ресторане, который стал фатальным для Лидии. Именно так выглядела Нина: ее глаза сверкали странным светом, а голос словно принадлежал не ей, а какому-то демону. Ее лицо исказила гримаса ненависти и отвращения, будто она презирала Эрика как какого-нибудь вонючего ядовитого слизня.

Но Эрик быстро собрался. В тот день он потерялся, не знал, что делать и позволил Нине, или кто бы там ни сидел в ней сейчас, вырваться наружу и пребывать в мире людей, подвергая всех опасности. Но не теперь! Эрик дал слово Нине оберегать ее от этих чудовищ, а потому решительно настроился сбросить с этих уродцев спесь!

– Раз она ваша, так давайте! Попробуйте справиться со мной! – злобно прошептал Эрик в самое ухо.

Дразнить невидимых чудищ – занятие довольно странное и опасное. Но Эрика охватил адреналин, будто он участвовал в самой настоящей перестрелке на смерть, а потому намерения его были тверды!

Особенно странным все происходящее казалось для присутствующих в гостиной людей, которые ни разу не видели живую процесс «ясновидения а-ля Нина».

– О, спаситель Эрик! – язвительно хрипела Нина. – Думаешь, в силах побороть нас? Думаешь, можешь спасти ее? Она ближе к нам, чем ты думаешь, безмозглый выблядок!

Эрик едва отпрянул. Эти чудища вмиг находили слабые места в мозгу человека и нещадно давили на них.

«Безмозглый выблядок!» – кричал его отец в очередном алкогольном угаре, после которого следовали жестокие побои. Воспоминания прошлого вдруг так четко предстали перед глазами, будто все это произошло вчера или даже сегодня до обеда! Эрика вдруг бросило в жар от ужаса, что отец вот-вот снова накинется на него с битой.

Эрик сжал кулаки, на скулах заиграли желваки. Черта с два! Ничего кроме еще большего гнева эти мерзкие чудовища не добились! Не на того напали! В своей жизни Эрик повидал достаточно дерьма, чтобы перестать бояться собственных страхов!

– Тогда чего ты медлишь? Давай! Порази меня своим взглядом, слабак! – злостно процедил Эрик сквозь зубы.

Лицо Нины сверкало гневом, но Эрик не чувствовал какого-либо давления на него. Монстры не имели над ним силы, и Эрик понял почему. Он увидел в глазах Нины сомнение, и тут же понял, что Нина все еще там, и она борется! И словно в подтверждение невероятного сопротивления Нины

Монстрам в ее же собственном мозгу, из носа забил фонтан крови.

Гостиная тут же пришла в движение, уж слишком жестоким стал этот процесс ясновидения. Быстрее всех был Левий. Он тут же оказался возле Нины, точно супергерой, чьи суперспособности крылись в докторском чемоданчике.

– Усади ее! Принесите лед! – командовал Левий.

Нина продолжала биться в судороге, пот тек со лба градом, а сама она провалилась в бред.

Видения кружили в неразборчивом хаосе, Монстры завывали и подкрадывались к ней со всех сторон, запугивая обещаниями причинить ей такую боль, которую она еще никогда не испытывала! Но в то же время к ним присоединился голос Эрика.

«Я с тобой! Я никогда не оставлю тебя! Будь со мной, Нина» – повторял он вновь и вновь.

И его слова вселяли в нее уверенность, что она и вправду не одна, что отныне с ней всегда будет Эрик, а он такой большой и сильный, и, черт возьми, такой бесстрашный! Он не боится Монстров, он всегда защитит ее от Них! Нина должна верить ему!

Страх перед Монстрами постепенно отступал, отчего Их голоса превращались обратно в злобный шепот, позволяя вновь сосредоточиться на видениях.

– Черт подери, Эрик! Что с ней? Кровотечение слишком обильное! Высок риск инсульта! Ей надо срочно везти в

больницу!— говорил Левий, прикладывая лед к носу бедняги.

— Ей нельзя в больницу! — злостно прорычал Эрик.

— У нее заднее кровоотечение! Надо делать тампонаду! Она может умереть от кровопотери! — настаивал Левий.

— Тогда останови кровь! — крикнул Эрик.

Его глаза были налиты бешенством, и Левий понял, что спорить бессмысленно.

Левий молча достал шприц и ампулу.

— Я сделаю ей кровоостанавливающий укол, но больше одного нельзя! — говорил Левий, делая укол Нине в дергающееся плечо.

— Роберт! Давай помоги! Надо сделать заднюю тампонаду! Держите ее!

Роберт тут же оказался возле доктора.

— Нет! погоди! — крикнул Эрик.

Судороги затихали, и Нина даже открыла глаза, но они совершенно точно ничего не видели.

— Это ни о чем не говорит! Кровоотечение продолжается! — настаивал Левий.

— Заткнись! — прорычал Эрик.

И в этот момент Нина начала говорить:

— Южная долина тридцать пять, Старые Будовцы семнадцать, Логистик-Парк, скидки на весь ассортимент... фуры... эти долбаные фуры... как же они надоели! — Нина говорила быстро, пытаясь поспевать за молниеносными образами.

Она не знала, насколько ей хватит сил, и потому старалась сказать, как можно больше. Она не знала, насколько затянулась пауза в противостоянии с Монстрами, но совершенно точно знала, что они по-прежнему рядом и только и ждут, когда она даст слабинку.

– Здесь нет окон, только тусклый свет и эти фуры! Черт возьми, сколько же их там! Скачки, гонки, ставки, но это было давно... пахнет перегаром, дешевый алкоголь, вонючие алкаши, тошнит, голова кругом... кто-нибудь взорвите уже эти долбаные грузовики!

Нина схватилась за голову от боли, раскалывающей череп на части.

Огромные многотонные грузовики проносились над головой, сотрясая всю эту маленькую подземную камеру, где Нина чувствовала себя заключенной. И еще эта адская боль в плече! Господи, спаси ты от нее! Нет сил больше терпеть!

– Ублюдок Дэсмонд! Я убью тебя! Я найду тебя и буду убивать так медленно, что ты начнешь просить пощады! Сукин сын, ты сделал меня калекой! Как же воет плечо! – рыдала Нина и усердно потирала мучающее ее плечо.

Дэсмонд лишь вопросительно переглядывался с остальными. Он понятия не имел, о чем говорила Нина. И только Эрик стал смутно догадываться, где сейчас пребывала Нина. Он отчетливо помнит тот миг, когда пуля Дэсмонда сразила Карима точно в плечо руки с пистолетом, целящимся Эрику между бровей.

– Карим? – спросил он с сомнением. – Ты видишь Карима?

Тут же все присутствующие подобрались к эпицентру кровавого фильма ужасов настолько близко, насколько могли. Уж очень дано они все хотят заполучить Карима в свои руки, ведь для них он и был краеугольным камнем всего конфликта!

Да. Нина видела Карима. И не только видела. Она сидела рядом с ним, она была им в какие-то моменты. И это было потрясающе! Потому что она достигла самого дна кроличьей норы, и теперь видела все! Карим открыл ей все свои тайны, и теперь она видела их сеть. Она узнала местоположение всех их точек продаж и дилерских центров, она знала количество и имена всех бойцов, она держала в руках мобильный телефон с контактными номерами ключевых объектов. Она знала все! Но ведь чтобы прикрыть всю сеть, каждая точка и не нужна, важны только те, что снабжают эту сеть кислородом.

Внезапно где-то рассыпались таблетки по бетонному полу. Вот оно! Вот – куда ей надо!

Нина широко распахнула глаза и сделала глубокий вдох, а потом отмахнулась от держащих ее рук Левия и Эрика и резко поднялась на четвереньки. Она проползла два метра, чем до чертиков напугала сидящих неподалеку Марка и Фидо. Те даже запрыгнули с ногами на диван, не желая встать на ее пути.

Нина остановилась и стала шарить руками по полу и собирать что-то невидимое в ладонь. Присутствующие лишь молчаливо переглядывались.

– Один, два, три, четыре, – приговаривала Нина, собирая рассыпавшиеся по холодному серому бетону красные таблетки.

Она не знала, зачем собирает их и считает, но она была уверена, что это необходимо.

– Восемь, девять, десять, – считала Нина таблетки, собирая их в ладонь.

– Нина, – осторожно позвал Эрик, также аккуратно подползая к ней. – Что ты делаешь? Где ты?

– Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, цифры... цифры... они важны, – ответила Нина, как бы между прочим и продолжила считать.

Но вдруг она сбилась со счета и стала говорить совершенно другие цифры, сама не осознавая, откуда берет их.

– Восемьсот двадцать восемь эф эм, пятьдесят четыре-сорок четыре эс ка, сто тринадцать эс эл о, – бесперебойно выдавала Нина.

Цифры почему-то шли вместе с буквами, они просто возникли перед глазами на белых табличках, и она чувствовала, что именно они помогут обрубить источники жизни наркосети Пастаргаев и их сообщников.

– Это то, о чем я думаю? – неуверенно спросил Винс, чавкая жвачкой.

Эрик просто рассвирепел от тупости сидящих здесь.

– Это номера машин! Быстрее, записывайте их! – гаркнул он в ярости.

Марк испуганно показал на горящую красную лампочку диктофона, мол, уже пишем! Но Эрику было мало этого! Информация была слишком ценная! И его вдруг охватили глупые панические страхи вроде того, что, вдруг диктофон не запишет, вдруг они все забудут ее слова, вдруг сама Нина не сможет их потом вспомнить, и вся эта сегодняшняя затея куту под хвост!

– Эрик, пишем! Все под контролем! – Рудольф понял Эрика быстрее, чем кто-либо и уже строчил на бумаге цифры за Ниной.

А Нина тем временем уже стояла на четвереньках на ледяном бетонном полу какого-то склада посреди десятков машин, минивэнов, грузовиков, и читала их номерные знаки, сверкающие белизной прямо на уровне ее глаз.

– Эр о сорок три – двадцать два, девятьсот два эс эл о, пятьдесят четыре – шестнадцать эл тэ.

Нина ползала вдоль ряда автомобилей. Разбросанные по полу красные таблетки больно впивались в колени, но она продолжала ползать и считывать цифры, чувствуя скорое исчезновение картинки. Она не знала, что истекает кровью прямо на пол под собой, она лишь чувствовала запах крови, но понятия не имела, что это она сама. И с каждой секундой силы покидали ее, и она боялась не успеть передать все,

что видит.

Загудели моторы. Трубы изрыгнули выхлопные газы, и в скором времени автомобили выехали из складов по точкам распространения Жгучего Карлика.

Нина ошиблась. У нее хватило времени передать Эрику номера всех четырнадцати автомобилей, что Пастаргаи и Северяне использовали для транспортировки наркотика.

Внезапно Нина затихла. Она закатила глаза, ее слегка покачивало. Она сказала все, что должна была сказать. Она дала Эрику ответ на вопрос. Ее задача выполнена.

– Я устала, – тихо произнесла она и стала заваливаться набок.

Эрик осторожно подхватил ее. Марк и Фидо тут же соскочили с дивана, Эрик уложил на него Нину.

– У тебя есть один шанс. Номера меняют каждую неделю в пятницу, – тихо проговорила Нина и отключилась.

В гостиной воцарилась тишина.

– Можно мне, наконец, спасти ей жизнь? – Левий нарушил тишину грозным голосом, не терпящим возражения.

Эрик тут же отступил. Левий подозвал Роберта, и они оба принялись за процедуру.

Еще около минуты все приходили в себя от увиденного, после чего Эрик, наконец, произнес:

– Работы много! Давайте сделаем так, чтобы страдания Нины не прошли даром!

В ту же секунду мужчины встали с мест и бросились на

охоту.

2. Прощай пустельга

Серебристый хэтчбэк Фиат остановился на светофоре. Ночью дороги становились пустынными, и ездить по ним было сплошное удовольствие.

Тимур попивал любимый сливочно-шоколадный фраппучино из Старбакс и закусывал кексом с вишневыми ягодами. Карим всегда говорил, что потребность Тимура в кофе связана с его худобой и проводил прямую параллель холодных времен года с этим горячим напитком. Тимур и вправду был худее братьев, но вовсе не слабее. Он любил повторять, что он – жилистый, и мускул в нем ровно столько, сколько в могучем Арне. Хотя на деле никто не проверял. Догадок Тимуру было достаточно. Тимур специально отращивал черные волосы до плеч, чтобы зрительно придать объема своему вытянутому худощавому лицу, и, разумеется, отпустил бороду и усы. Но монгольские гены не позволили щетине разрастись, а потому из-за редких волосяных островков он больше походил на больного лишаем.

Тимур всегда работал в паре с Эйнармом. Этот русоволосый северянин был, наверное, единственным адекватным из всех. Он не был угрюмым, как его собраты, и даже любил изредка пошутить. Они открыто обсуждали семейные вопросы и проблемы взаимоотношения Пастаргаев с Северянами. Тимур не знал наверняка, были ли у кого-то из его коллег

такие же дружеские теплые отношения с Северянами, как у него с Эйнарсом, но догадывался, что они скорее исключение из правил. И, кажется, обоим это нравилось. Они словно служили символом реальной дружбы между столь разными братствами.

– Ты знаешь, сколько химического дерьма в твоих кексах? – начал Эйнар свое привычное нытье о вреде полуфабрикатов, ведя машину по ночным дорогам.

– Ты просто завидуешь, что я могу есть кексы, а ты нет с твоими то формами, – парировал Тимур, жадно впиваясь в сочную мякоть.

Эйнар поежился в кресле. Он вовсе не был толстым, он был тех же размеров, что и его товарищи, но его больше остальных волновали проблемы жировых отложений, а потому и тренажеры он посещал чаще.

– Ты думаешь, они эти кексы вручную готовят? Да им из Китая привозят замороженные порционные заготовки из теста, в котором консервантов больше, чем в креме от морщин твоей мамы!

– Если бы крем моей мамы был такой же вкусный, я бы его съел с этим потрясающим фраппучино!

– Еще одно химическое дерьмецо! Уж если хочешь кофе, то бери черный. По крайней мере, он точно будет натуральным. А все эти ванильные девчачьи добавки только поджелудочную твою посадят!

– Кстати о девчонках, ты, наконец, решил, куда отдать Ма-

летту?

Эйнар громко фыркнул. Почему-то у него всегда получалось смачно фыркать. Может, тому виной густая борода и усы, а может, толстые щеки.

– Элен настояла на балльных танцах, – Эйнар скривил рот.

– Но это же превосходно! – пытался приободрить Тимур. – Станет твоя принцесса высококлассной танцовщицей!

– Я бы все-таки хотел видеть в ней боксера. Не в том мире мы живем, чтобы порхать в танцевальных па. В этой жизни надо быть волком, а не балериной, если хочешь быть на высоте!

– Что верно, то верно, брат. Но в любом случае главное – счастье дочки. Пусть идет туда, где ей нравится!

– Да с этой сумасшедшей тираншей Элен невозможно хотеть что-то отличное от ее желаний! Она самого Папу Римского заставит принять буддизм, мать ее! Ненавижу эту сучку! – Эйнар ударил по рулю.

– Иной раз девки хуже дьяволиц! А потому их надо только иметь, а потом слать на все четыре стороны! – сказал Тимур с таким достоинством, словно изрек великую истину.

Внезапно на встречу выехал полицейский патруль. Тимур и Эйнар немедленно напряглись, и в машине воцарилась тишина. Эйнар сосредоточился на дороге, Тимур сжал рукоять автомата, прикрепленного под бардачком. Под задним бампером у них находилось тридцать килограммов Жгучего Карлика, прибывшего вчера на сортировочный склад. И

сегодня машины, наконец, разъехались по точкам продаж. Один автомобиль совершал одну поездку, так было безопаснее провозить наркотик по городу, наполненному людьми Эрика, рыскающих в их поисках. Точка Эйнара и Тимура находилась в прибрежном районе на левой стороне реки в маленьком подпольном казино, чьи хозяева стали дилерами Северян. До него оставалось еще около двадцати километров пути.

Полицейский патруль медленно проехал мимо. Тимур и Эйнар сохраняли невозмутимое выражение лица. Когда машина скрылась за поворотом, оба выдохнули. Тимур убрал руку с автомата и продолжил пить свой химический кофе.

– А вообще, давай-ка заедем сегодня в тот бордель, что Карим советовал. Надо снять груз с души, а то этот стресс доканает, – продолжил Тимур беседу, как ни в чем не бывало.

– О да! Эта идея мне по...

Не успел Эйнар закончить мысль, как зазвенели пули. Кто-то обстреливал автомобиль.

– Какого черта?! – выругался от неожиданности Эйнар.

– Жми! – орал Тимур, выронив кофе из рук.

Эйнар вдавил педаль газа, что есть мочи, и автомобиль сорвался с места. Но выстрелы продолжали доставать их даже на скорости в сто пятьдесят километров в час. А это значит, на них охотятся!

Тимур обернулся.

– Два джипа! Заходят с обеих сторон! Давай вон туда в проулок! – крикнул Тимур.

Эйнар резко вывернул руль и погнал машину по узкому закоулку. Гнавшиеся за ними джипы не ожидали столь резкого виража и проехали мимо, скрывшись где-то на шоссе.

– Кажется, отстали, – выдохнул Эйнар.

– Давай скорее выезжай отсюда и сворачивай на вторую западную! Надо предупредить наших! Эти ублюдки как-то выследили нас! – Тимур открыл бардачок, в котором была установлена мощная радиостанция.

По сути, эта технология была заимствована у Эрика, ведь именно ему первому пришла в голову идея оснастить все свои грузовики радиостанциями, передающими сигналы тревоги на склады и дилерские пункты, чтобы предупредить тех о надвигающейся опасности. Потому что если произошло нападение на транспортник, то значит, и пункт отправления, также как и пункт назначения, уже известны нападающим либо в скором времени будут обнаружены. В сегодняшний век спутниковых технологий скрыться от всевидящего ока практически невозможно.

Тимур снял рацию со станции, настроил на частоту, на которой пребывали в данный момент все автомобили, развозившие товар по точкам продаж, и объявил во всеуслышание:

– Всем внимание! Всем внимание! Говорит седьмой! Нас атаквали! Повторяю! Говорит седьмой! Нас атаквали! Эти

ублюдки знают, кто мы!

После нескольких секунд шипения в ответ раздался грудной голос:

– Это второй! Опиши нападавших!

– Два черных джипа! Бойцов не меньше шести! Они с автоматами!

– Это четвертый! Как они узнали, мать вашу?!

– Понятия не имею! Держите ухо востро! – крикнул Тимур в рацию, его нервы звенели на пределе.

Эйнар вывернул, наконец, из узкого переулочка и понесся в сторону второй западной улицы, то и дело поглядывая в зеркала заднего вида.

– Нам нельзя в казино! – выругался он.

– Знаю, – буркнул в ответ Тимур.

– И обратно на склад нельзя!

– Знаю! – Тимур судорожно перебирал варианты.

– Сообщи Кариму!

Но как только Тимур достал телефон, чтобы связаться с Каримом, из рации послышались мужские крики.

– Черт! Они здесь! Это тринадцатый! Мы под атакой! Три черных джипа!

– Это второй! Мы под обстрелом! Пытаемся уйти через мост!

– Мать вашу! Они здесь! Это восьмой!

– Кто-нибудь слышит нас? Это десятый! Нас херачат гранатами! Нужна подмога!

Тимур с Эйнараром устали на радию в ужасе от того, что слышат, и едва верили собственным ушам! Рация кряхтела, шипела, то и дело раздавались отчаянные мужские крики, звуки стрельбы искажались волнами, но все равно были отчетливо слышны. Через минуту на связь перестали выходить семь машин, еще через две – их осталось всего пять. Отчаянные и самые стойкие бойцы.

– Звони Кариму! Чего ты ждешь? – взревел Эйнар.

Тимур был настолько потрясен услышанными предсмертными криками своих товарищей, что у него затряслись руки.

Он разблокировал экран и уже хотел набрать Карима, как тот его опередил.

– Что у вас там происходит, черт возьми? – проорал Карим в трубку.

– На нас напали!

– Я в курсе, идиот! Немедленно езжай на второй склад, там наши – вас прикроют!

– Карим! Кажется, они их всех уничтожили!

– О чем ты говоришь? Кого всех?

Но Тимур не успел ответить. Он лишь краем глаза заметил, как ярко светят надвигающиеся на него сбоку стробоскопы бронированного джипа, пока этот черный зверь не врезался в Фиат на скорости в сотню километров в час.

Удар был такой силы, что хэтчбэк отбросило на противоположный тротуар и прижало к кирпичным стенам жилого здания.

Тимур потерял сознание от удара джипа, Эйнар потерял сознание от удара о стену. Они так и не очнулись, когда Учтивый Карл пустил по обоим очередь из автомата.

Карим сжимал трубку так сильно, что послышался хруст пластика. Он не видел, но, к сожалению, слышал смерть Тимура и Эйнара через телефон. Как это возможно?

Карим устало опустился в кресло в своей затхлой каморке, куда он продолжал наведываться каждую неделю после встречи товара на первом складе. Именно с первого склада выехали семь машин этой ночью. Тимур и Эйнар выехали с первого склада. Как и Чингиз и Магнус из второй группы, и Ральф с Саидом – из четвертой, и Батар с Дагом – из первой. И все они успели позвонить Кариму и предупредить о том, что на них напали. Как это возможно?

Все они мертвы, это факт. Как и факт то, что первый склад скомпрометирован!

Аритмия от шока выбила весь воздух из легких, и Карим начал задыхаться. Этого не может быть! Это просто невероятно! Это невозможно!

Его детище умирало у него на глазах! Он больше остальных участвовал в разработке плана сети распространения Карлика. Он сам находил точки продажи, он сам определил места под склады, он сам распределял бойцов по группам доставки! И теперь все это рушилось на глазах! Как это возможно?

Где он просчитался? Где допустил ошибку? Кто – предатель? Кому он доверился, а не следовало? Кто из его бойцов сломался?

Вопросы хаотично возникали в голове, и ни на один Карим не мог найти ответ, потому что до сих пор пребывал в шоке, потому что до сих пор не мог поверить, что его план провалился.

Зазвенел телефон. Карим не сразу понял, откуда раздается звук, вдруг вся его мыслительная деятельность остановилась и перестала воспринимать окружающую среду.

Карим поднес телефон к уху.

– Уходи оттуда! – прорычал Арн.

Сердце Карима, если оно у него и было, упало из груди, ударилось о пятки и полетело дальше в адские тартарары! Что еще?

– Они уничтожили оба склада, все машины-транспортники! Они только что напали на Нордберг! Вали оттуда нахрен!

Карим едва верил в услышанное. Причем он не понимал, во что ему верить труднее: в то, что Арн проявил заботу и предупредил о надвигающейся опасности, или в то, что не только первый склад скомпрометирован, а стерта с лица земли вся его сеть?

Карим собрал всю свою волю в кулак, чтобы, наконец, справиться с ударом.

– Где ты? – наконец, ответил он.

– Едем прочь из города! Пытаемся оторваться от этих

ублюдков! Выберешься живым, езжай на север, остановись у восьмьдесят пятого километра и жди!

Связь прервалась.

Карим выскочил из подвала и на всех порах помчался к черному выходу из бара. Он сел в машину и стартовал так резко, что колеса взорвали клочья промерзшей земли.

Ему до сих пор не верилось, что каким-то невероятным образом Эрик Манн смог выследить все их точки базирования. Это просто невозможно! Он что заключил сделку с самим Богом? Что за всевидящее око у него запрятано, что он смог найти склады, размещенные вне города, да еще определить все автомобили, ведь они систематически меняют знаки! У Эрика Манна воистину должна быть камера на каждом доме, в каждой квартире, да на лбу каждого жителя города, черт подери!

Карим остановил машину позади умирающего придорожного магазина с вечными скидками и начал наблюдать. Он искренне надеялся развенчать миф о том, что Эрик – непобедим. Он не мог выследить их всех! Не мог найти все их норы! Это невозможно!

Не прошло и пяти минут, как всем его надеждам пришел такой же жестокий конец, как и всему его плану с Карликом: четыре черных бронированных как под копирку джипа – фирменный знак Эрика Манна – окружили захудалый бар, и два десятка бойцов устремились внутрь.

Карим завел мотор и, не включая фар, скрылся во мраке

ночи.

Эрик Манн и вправду непобедим.

Нина проснулась. Роберт как раз закончил мерить ей температуру. Левий ввел в ослабленный организм щадящую дозу антибиотиков, вследствие того, что хирургическое вмешательство проводилось в условиях далеких от стерильных, и приставил к Нине постоянный надзор и контроль, которые вменялись Фидо и невезучему Роберту. Он замер, когда увидел наблюдающие за ним серебристые глаза.

– Привет, – выпалил он от неожиданности.

Он не был готов к тому, что она так скоро очнется, а потому слегка растерялся.

– Левий поручил следить за тобой. У него сегодня бурная ночь, – объяснил Роберт свое присутствие в спальне Нины.

Да, она знала, что этой ночью не спит никто: ни Левий, ни Эрик, ни его друзья, ни бойцы. Хоть физически она спала здесь в теплой уютной спальне, во сне она все-таки была там с ними все это время и слышала каждый крик, каждый стон, каждый выстрел и мольбы умирающих бойцов. Этой ночью свершилась настоящая бойня.

По номерным знакам найти автомобили труда не составило, ведь благодаря Йоакиму Брандту компьютерщики Эрика получили доступ ко всем уличным камерам, подключенным к центральной полицейской системе видеослежения. Более того, полицейские патрули обчесывали город в поисках авто-

мобилей по заданным ориентировкам, и как только находили их, сообщали диспетчерам. Офицеры, состоящие на службе не только города, но и Эрика Манна, сливали информацию координаторам Эрика, которые направляли группы бойцов, разбросанные по всему городу, и ждущие наготове, по горячим следам. Как только все машины были определены, началась массовая резня.

Практически в то же время были атакованы оба склада, штаб в Нордберге и конспиративная квартира в подвале захудалого бара на въезде в пригородную часть столицы возле логистического парка. Эрик развернул настоящую партизанскую войну и сформировал целую армию из своих и партнерских бойцов. Две сотни натренированных солдат уничтожили всю деятельность Пастаргаев и их сподвижников всего за каких-то тридцать минут, не оставив ни следа от их пребывания в городе. Склады сожжены дотла вместе со всеми запасами Жгучего Карлика, как и трупы бойцов и автомобили-транспортники. Штаб в Нордберге вычищен так, словно там никто никогда не пребывал – все вернулось в прежнее русло.

Какие-нибудь чересчур дотошные журналисты начнут вынюхивать и вести собственные расследования, тыкая офицерам в результаты независимых экспертиз, гласящих, что четырнадцать автомобилей, уничтоженных этой ночью, не были последствием дорожно-транспортного происшествия, потому что в них обнаружены пули крупных калибров и оскол-

ки от гранат. Офицеры, зевая, примут их заявления, пересчитают количество купюр во взятке, полученной сверху, а потом пропустят заявления через бумагоуничтожитель. Горожане могут хоть сколько говорить об очередных мафиозных разборках, официального подтверждения этому они никогда не получают. Потому что этим городом руководит мафия.

Нина сглотнула и тут же нахмурилась.

– Это все тампон, – пояснил Роберт некомфортные ощущения. – Он у тебя в носоглотке. Я хотел вытащить его, пока ты спишь. Но могу и сейчас, если хочешь.

Нина молчала. Она попыталась что-то сказать, но ощущения бы действительно неприятными и даже болезненными, поэтому она просто кивнула.

Роберт кивнул в ответ и тяжело вздохнул, будто собирался прыгнуть с высоты сотни метров в узкий речной канал, изрешеченный острыми валунами над поверхностью воды.

– Я сейчас дерну за веревку, и тампон выйдет из носоглотки в рот. Будет неприятно. Постарайся не кашлять и не чихать, а то кровотечение может возобновиться.

Нина снова кивнула.

Роберт перерезал веревки тампона под ноздрями, вытащил третий конец из-под пластыря на шее Нины и спросил:

– Готова?

Нина утвердительно моргнула. Роберт быстро, но осторожно потянул за веревку.

Ощущения и впрямь были ужасными, словно из Нины вытащили не тампон, а кусок ее собственной плоти. Онемение где-то глубоко в носу давило на мозг, вызывая тупую головную боль. Разумеется, Нина не могла дышать, и это раздражало больше всего: вроде все органы на месте, а воспользоваться ими невозможно.

Нина приняла из рук Роберта стакан с водой и жадно осушила его. Чуть погодя, Нина поняла, что в действительности, она очень слаба, у нее кружилась голова, и ее подташнивало, а все тело ломило, будто она подралась с целой китайской армией накануне.

– Это все из-за кровопотери, – сказал Роберт, увидев немой вопрос в ее глазах. – Левий сказал, что до переливания ты не дотянула, а вот до шоколадок и гранатового сока доползла.

Нина не оценила шутку. А может, оценила, но ничем себя не выдала. Нина добилась уровня эксперта в умении хранить молчание. Роберт даже подумывал вручить ей за это грамоту или кубок. Да, кубок был бы лучше, потому что явственнее бы подчеркивал раздражающую нелепость ее любимого занятия.

И вдруг Роберт опешил. Он что, пытается рассмешить ее? Похоже, температуру тут следует мерить ему, а не ей. Да что это с ним, в самом деле? Он же должен ее ненавидеть! Но чем больше он смотрел на Нину, чем больше думал о том, какую работу она проделала, чем пожертвовала ради них, то

все больше проникался к ней благодарностью и уважением. Раньше он не понимал Эрика, который носился с ней, как с ребенком, готов был чуть ли не землю целовать перед ее ногами. А теперь Роберт и сам был недалек от того, чтобы кинуться под пули, защищая Нину своей грудью.

Эрик был прав. Нина им всем очень нужна.

Роберт отдавал отчет в том, что благодаря Нине они полностью разгромили этих назойливых Пастаргаев. На сколько бы затянулось это противостояние, сколько бы жизней было загублено, выжил ли бы Марк, если бы Нина не дала им столь огромное преимущество? Ни один разведчик Эрика, какой бы опыт ни имел, сколько бы взяток ни давал, сколько бы ни прорабатывал тактических ходов, не смог бы добиться того, что предоставила им Нина. И чего это им стоило? Всего лишь попросить.

Невысокая цена за столь ошеломительный успех, не правда ли?

И хотя Эрик твердил, что все еще не кончено, поскольку тот, кто стоит за их спинами, до сих пор не найден, они сделали огромный шаг вперед.

– Я убила их, – вдруг произнесла Нина и заплакала.

– О чем ты говоришь? – не понимал Роберт.

– Если бы не я, они бы все остались в живых, – голос Нины стал еще более хриплым, чем раньше, то ли от воспаленной носоглотки, то ли от всеобщей усталости.

– Не говори так, Нина. Ты спасла нам жизни, и я уже сбил-

ся со счета, в который раз, – сказал Роберт.

– Они ведь тоже были чьими-то отцами, братьями и сыновьями. А вы просто пришли и убили их. Они мертвы из-за моей наводки! Так много людей, Роберт! Их было так много!

Нина зарыдала.

– Эй! – Роберт пересел с табурета на край кровати и положил свою ладонь на руку Нины.

Он никогда раньше не позволял себе подобного – дотрогнуться до Нины по собственному желанию. Нина для него была сродни ядовитому плющу, который если и можно трогать, то только обмотавшись толстым слоем защиты. Но разве он мог сейчас иначе? Она сидит в кровати, терзаемая муками совести из-за них, разливая слезы от стыда, точно нашкодивший ребенок, обещающий больше так не делать, а он что, просто будет равнодушно на все это взирать? Он же все-таки не хладнокровный убийца! К тому же он имеет непосредственное отношение к ее слезам. Он – одна из их причин.

– Перестань себя винить. Ты спасла наши жизни! Если бы ты не вывела на них, то погибли бы мы! А у нас тоже есть дети и жены, и тогда бы они остались без мужей и отцов! Ты сделала выбор! Ты спасла наши жизни, а не их!

– В том то и дело, Роберт! Я не хочу выбирать! Я не хочу решать, кому жить, а кому умереть! Я не хочу иметь смерть на своей совести! Не мне решать, к кому ей приходить!

Нина безостановочно утирала слезы рукавами невероят-

но дорогого пеньюара, в котором четко читался вкус Изабеллы – любимого стилиста Эрика. И от вида того, как Нина небрежно растирает слезы и сопли роскошным шелком, даже не задумываясь о его стоимости, Роберту она вдруг показалась такой милой и искренней с удивительно чистой и девственной душой, несправедливо терзаемой верой в собственные грехи. Никогда еще Роберт не испытывал столько нежности к Нине, как в этот момент.

– Нина, у тебя есть потрясающие способности, и ты не можешь игнорировать их. Они даны тебе для того, чтобы ты помогла принести порядок в мир. Да, мы отняли жизни, но эти люди сами избрали свой путь! Они знали, на что шли! И ты помогла избежать больших жертв, потому что если бы Пастаргаи пришли к власти, начался бы новый дележ территорий, а это всегда означает горы трупов.

Рыдания Нины затихли, но слезы продолжались.

– Я все задаюсь вопросом, для чего мне даны эти способности, но ни один ответ не подходит. Помоги найти верный, Роберт, – прошептала Нина.

Роберт искренне удивился – Нина впервые попросила его о чем-то.

– Однажды, друг сказал мне, что я такая, какая есть, чтобы помочь людям избавиться от терзаний, найти успокоение, получить избавление от грузной ноши. И я сделала то, о чем она просила. Я подарила ей избавление. Но если бы она была права, то после свершения предназначенной мне задачи,

я должна была почувствовать облегчение от того, что мой долг выполнен. Но это было не так. Я почувствовала такое болезненное одиночество, что захотелось сгнить от него в ту же секунду! Что же это за долг такой, от которого хочется умереть?

Нина смотрела на Роберта глазами, искрящимися от слез, а Роберт не знал, что сказать, и просто молчал. Он был поражен тем, насколько плохо он знал Нину все это время. Она так открыто поведала ему свои сокровенные переживания, о которых он даже и не догадывался, что теперь чувствовал себя должным выслушать и помочь ей. Она осмелилась искренне рассказать о том, что ему не следовало знать, в надежде на то, что он сможет помочь ей найти ответы на ее собственные вопросы. Но был ли он в силах это сделать? От осознания того, сколько времени она носит в себе столько горя, нежелающее найти выход из нее, Роберт вдруг почувствовал укол стыда от того, как много они требуют от Нины, обязанной дарить людям избавление, не в силах успокоить ее саму.

– Нина, – тихо произнес Роберт, – но ведь теперь ты не одна. Теперь у тебя есть мы.

Роберт почти прошептал последнюю фразу, словно боялся подтвердить, что «мы» подразумевает и его самого. Как бы горько ему ни было признавать, как бы стыдно ни было перед Лидией, но факт оставался фактом – он больше не желал винить Нину в ее смерти. Такой простодушный человек,

как Нина, просто не может совершить злодеяние. Любое зло, исходящее от нее, на самом деле происходит из ее болезни. Совершенно точно, Нина больше не одинока. У нее есть Роберт.

Словно прочитав его мысли, Нина взглянула в глаза Роберта, и грустно улыбнулась, точно в знак благодарности за столь бесценные слова.

Дурная мысль, пронесшаяся в его голове, не осталась незамеченной этими прекрасными серебристыми глазами, сверкающими бриллиантами на свету.

Нина взяла ладонь Роберта и положила себе на грудь.

– Нина, – Роберт попытался отпрянуть, но Нина сильнее надела на его кисть так, что он, сам того не осознавая, сжал ее грудь в своей ладони.

Сквозь тонкий шелк сорочки Роберт отчетливо прощупал выпирающий сосок. Роберт зажмурился, словно подвергался невыносимой пытке. После смерти Лидии уже прошло почти полгода, и до сих пор у него не было ни одной женщины, и теперь он вдруг осознал странную мысль, что, возможно, первой женщиной станет та, которую он долгое время обвинял в гибели невесты.

Осознав эту гадкую мысль, Роберт снова захотел одернуть руку. Но так и не смог устоять соблазну. Грудь Нины вздымалась все чаще, Роберт продолжал сжимать и разжимать нежную мякоть раз за разом, Нина закатила глаза и запрокинула голову на подушку, наслаждаясь ощущениями.

– Нина, это неправильно, – выдохнул Роберт.

У него вдруг пропал голос, а в горле пересохло.

– Я чувствую огонь внутри тебя, Роберт. Чувствую, как ты хочешь меня, – произнесла Нина куда-то вдаль.

Она заставила его руку спуститься ниже на живот, а потом и вовсе лечь между ее бедрами. Роберт издал мучительный стон. Чувствуя разгоряченную плоть под кружевным бельем, Роберт едва сдерживался.

Он уже представлял, как блаженно будет оказаться сверху и целовать ее тонкую шею, пахнущую свежестью цветов после дождя, как развяжет пояс шелкового пеньюара и запустит руки под сорочку, где горячая бархатистая плоть жаждет его поцелуев и ласк. И в то же время Роберт осознавал, насколько чудовищно-вероломным станет сей акт.

– Нина, перестань!

Роберт одернулся, вернулся обратно на табурет и закрыл лицо руками.

– Почему Роберт? – спросила Нина, выйдя из состояния экстаза.

Ее голос вдруг стал бодрым и даже уверенным, словно она не рыдала и не дрожала всем телом минуту назад.

Роберт лишь молча уставился на Нину, пытаясь избавиться от возбуждения.

– Это из-за Лидии? Или из-за Эрика? – Нина сверлила его пристальным взглядом.

Роберт не знал, что ответить. Он никогда не разговаривал

с Ниной столь смело о том, что творится у него на душе.

– А-а-а, ты боишься предать Эрика, – медленно произнесла Нина то ли вопросом, то ли утверждением. – Ты ведь с тех пор только этого и боишься, не так ли?

Роберт нахмурился.

– Тогда в тюрьме. Ты ведь предал его. А потом оставил умирать. Так друзья не поступают, – Нина покачала головой и зацокала, ухмыляясь.

– Зачем ты так? – не понимал Роберт.

Он был печально удивлен тем, что только что Нина хотела, чтобы он любил ее, а секунду спустя корит за самую большую ошибку, тяжелым валуном, оседающим на его душе. Уже три десятилетия он корит себя за содеянное и набирается храбрости признаться во всем Эрику. А Нина так безжалостно давит на эту язву!

– Ты когда-нибудь расскажешь Эрику о своем предательстве? – продолжала Нина. – Уверена, он тебя простит, ведь прошло столько лет. Подумаешь еще одним поступком больше в копилку трусливых выходов Роберта.

Нина откровенно наслаждалась тем недоумением, что читалось на его лице.

– А может и не простит. Ведь в той потасовке он защитил тебя, а ты проколол ему печень, и еще целый месяц он боролся за свою жизнь, и в итоге застрял в тюрьме на полгода больше, чем ты. Ведь это был ты, Роберт. Ты почти убил Эрика Манна своими руками!

Роберт едва верил ушам. Он уже давно осведомлен о том, что Нина знает его великий грех, но тогда на балконе она поклялась оставить его в тайне, и до этого момента она прекрасно справлялась со своим обещанием! И вдруг сейчас из тихони Нина превратилась в дьяволицу, готовую крушить людские жизни. Сомнения стали закрадываться в голову, а верные ли выводы он сделал о Нине?

– Но нам это нравится, Роберт, – продолжала Нина.

– Нам? – не понял Роберт.

– Да, нам. Мы любим истории о том, как человек делает выбор в пользу своей выгоды, даже если этот выбор подвергнет самого любимого человека невероятным страданиям. Даже если твой выбор убьет его. Мы любим тебя за это, Роберт. Ты питаешь нашу веру в то, что человек такой же монстр, как и мы.

Роберт вскочил так резко, что табурет отлетел в сторону.

– Ты не Нина! – наконец, сообразил он.

Нина поднесла палец к губам.

– Ш-ш-ш-ш-ш... Нина спит. Нина очень устала. Вы измучили ее бесконечными поисками ответов, – тихо говорило нечто из глубины Нинино тела.

Роберт не мог поверить, что, наконец, столкнулся лицом к лицу с теми, кого Нина боялась больше всего на свете, с тем, о ком Эрик рассказывал, как об источнике ее болезни. Но как бы Роберт ни приглядывался, как бы ни пытался найти хоть малейший физический признак Их проявления, он все боль-

ше понимал, что это невозможно. Нина – не какой-нибудь оборотень или суккуб, превращающийся в человека днем, и в чудовище – по ночам. Перед ним сидела прежняя Нина с тем же тихим хриплым голосом, понурыми тонкими плечами и с теми же большими серыми глазами, наполненными глубокой печалью.

– Спасибо тебе, Роберт, – произнесла Нина.

– За что?

– За то, что освободил нас. Теперь мы здесь надолго, – улыбка Нины была сродни ярому богохульству.

– Нет, – Роберт замотал головой, – это бред. Это неправда. Мы не помогали вам!

– Разве?

Роберт был растерян. Он не знал, как вести разговор с Ниной в таком состоянии. Ведь это все еще она, как бы ее вторая половина не уверяла в обратном.

– Нина знает, что делать, – говорил Роберт, пытаясь заставить самого себя поверить в собственные слова. – Ей нужно всего лишь набраться сил. Да! Ты потеряла много крови, ты измотана. Ты наберешься сил и снова станешь нормальной!

– Ты ведь сам в это не веришь, – хмыкнула Нина. – Иначе бы не трясся от страха разделить участь своей ненаглядной невесты!

Роберт выпучил глаза, и его вдруг озарила невероятная догадка. Как же он раньше не понял!?

– Это вы убили Лидию! – яростно выпалил он.

– О, нет, Роберт! Мы этого не делали!

Роберт сделал шаг к двери. Разговор о Лидии всегда выбивал из него всякое желание бороться и продолжать жить дальше, а рядом с этими тварями, что заняли мозг Нины, терять самообладание – было сродни самоубийству.

— Нет, это не Нина. Это была не она! Это сделали вы! Тогда в тот вечер вы заняли ее рассудок и заставили говорить все эти ужасные вещи, чтобы свести Лидию с ума! Это были вы!

– О, нет, Роберт! Это была Нина. Это всегда Нина. Мы всего лишь инструменты в ее руках. Дрессированные собачки, которые по приказу хозяина сидят, дают лапу и нападают. Приговор всегда выносит Нина. Она решает, выпустить нас или оставить в клетке. И в тот вечер Нина сама открыла ее и позволила твоей любимой Лидии умереть.

– Заткнись! – зашипел Роберт. – Ты обманываешь! Вы обманываете! Нина говорила, что обман – это единственное, в чем вы достигли совершенства! Лживые ублюдки! Меня не обдурите! Я знаю, что Нина борется с вами! Вы можете сидеть и довольствоваться ее телом пока что, но будьте уверены, Нина скоро придет в себя и вы снова покатитесь в свой вонючий угол!

Улыбка медленно сползла с лица Нины, отчего его выражение приняло оттенок грусти и разочарования. Нина тяжело вздохнула.

– Нам жаль, что она так ненавидит нас. Ведь мы ей не вра-

ги в отличие от вас ... — тихо произнесла она.

— Вы — всего лишь болезнь! Но до омерзения назойливая и извращенная! И все, что мы пытаемся сделать, это — избавиться ее от болезни, не более того! Мы пытаемся излечить ее от ваших больных фантазий!

— Чем? Вовлекая в убийство сотни людей?

Нина рассмеялась, и этот смех отразился ознобом по спине Роберта.

— В том то и суть, Роберт, мы всего лишь делимся с ней фантазиями, а вот вы... вы превращаете их в реальность.

Нина села в кровати и с наслаждением потянулась.

— Нет, Роберт. Не мы здесь Монстры. Монстры — это вы.

Телефон гулко стукнулся о поверхность дубового журнального столика.

Вот и все.

Последний за эту ночь звонок Макса. Больше он Эрика не потревожит. Потому что больше нет причин для беспокойства. Пастаргаи истреблены.

Самое время распить дорогую бутылку шампанского, завалиться большой компанией в клуб, а потом и в бордель, и отметить это грандиозное событие безудержными танцами, пьянкой и фейерверками. Город твой, Эрик Манн. Ты снова доказал всем его жителям, что ты — единственный, кто сохранит порядок в этом адском средоточии денег и власти, где каждый мелкий кусок наживы становится причиной спо-

ров и драк не на жизнь, а на смерть. Ты снова доказал свои силы и могущество, избавившись от наглых притязателей на твои богатства. Криминальный мир засияет новыми красками после столь зрелищного триумфа, а его жители возгордятся, устрашаться и возненавидят тебя с освеженной силой. Ты снова доказал, что ты безумно силен, затейливо расчетлив и чудовищно безжалостен.

Эрик устало опустился на диван и допил остатки бурбона. Взглянув на бутылку, он понял, что это был не просто конец бурбона, а последний из последних концов бурбона в этой квартире. Давно он не налегал на него с таким усердием, как в эти месяцы. Пастаргаи не на шутку вывели его из себя, и получили по заслугам. Все до одного. Все шестьдесят три человека. Шестьдесят три семьи остались без кормильцев и просто родных. Шестьдесят тремя смертями на душе Эрика стало тяжелее. За шестьдесят три дополнительных душ он будет нести ответственность перед богом в судный день. Интересно, на сколько продлились его адские мучения в геенне огненной?

Эрик ухмыльнулся. Этот Рудольф стал все больше влиять на него со своими глупыми религиозными штучками. Суеверный фанатик, который больше печется за то, что его ждет в нереальной жизни, а не за то, что происходит здесь и сейчас. Он предлагал изловить этих ублюдков и упечь за решетку, но сколько бы денег и времени это стоило, его не волновало, и про то, что эти мрази едва не убили Марка, он, кажет-

ся, тоже забыл. Глупые идеи Рудольфа, разумеется, не одобрил никто. Люди Эрика были слишком жадны до кровавой мести, их изнурили погони за призраками и безостановочный и абсолютно глухой сбор информации. Эрик лишь дал им всем то, чего они жаждали с самой первой ночи знакомства с Пастаргаями. Он поступил так, как диктовала любая логика и преступные законы: врага – уничтожить, конкурента – устрасить, пособника – ублажить, предателя – пытаться. Хорошо бы сделать табличку с этим девизом и повесить над кроватью, и читать как молитву перед сном. Эрик не изобрел чего-то нового, он следовал традиции, которая правит криминальным балом, и Рудольф со своими проповедническими разговорами закономерно потерял вес, проиграв в битве за кровь.

Но если Эрик искренне полагал, что кровавая месть – единственный выход из сложившихся обстоятельств, то почему он продолжает пить свой любимый «депрессивный» бурбон, разглядывать эти толстые папки с фотографиями и информацией об убитых боевиках, и вообще, чувствовать себя так, будто его наглым и беспощадным образом обманули?

Четыре месяца разведка вела наблюдения за Пастаргаями и собрала огромные кипы компромата на некоторых из них: когда и где родились, где зарегистрированы, какие школы посещали, сколько имели детей и жен, даже предпочтения в пивных марках и проститутках. Эрик читал одни и

те же строчки по двадцать раз на дню, выучив информацию наизусть, вновь и вновь возвращаясь к этим уже измятым и разодранным листам, читая все заново, словно проживая их жизнь от начала и до конца вместе с ними. Да, теперь в каждой истории можно написать заветное слово «конец» и убрать их на самую дальнюю полку, где они смогут спокойно пылиться до скончания времен, а Эрик сможет их спокойно забыть.

Но Эрик подобно настойчивому маньяку продолжал перебирать, вычитывать и смотреть на одни и те же фотографии, не имея храбрости закрыть их книги жизней, расстаться с ними и жить дальше. Он хотел раз разом проживать их жизни снова и снова, пока они не превратятся в настоящие осязаемые реальные истории, словно Эрик – был единственным, кому было под силу изменить их судьбу и переписать ее конец.

Вот Аарон Лоуренс. Светлые длинные волосы, собранные сзади в хвост, и отпущенная борода на манер товарищей. Ему всего двадцать шесть, но он успел отслужить в морском десанте аж целых семь лет. У него есть мать, которая живет в доме престарелых далеко на севере, и Аарон – единственный из ее четверых детей, которые остались в живых после страшного урагана в девяносто восьмом году. Женщина практически сошла с ума после того события, психотерапевты очень долго вели за ней контроль, пока Аарон не определил ее в дом престарелых. Аарон часто посещал ее там, по-

ка не переехал сюда четыре месяца назад вместе с сослуживцами. И все это время, наверняка, очень переживал, что не может навестить мать и принести ей ее любимые запеченные с медом и орехами яблоки от соседки госпожи Цукетта, что жила с ними раньше на одной площадке. Или что не может вывести ее на прогулку вокруг озера, хотя сиделки, разумеется, гуляют с ней, но они не знают, что шарф ей нужно повязывать сложным оборотом, иначе ей неприятно дует шею.

Это – Батар Казвини и его брат Даг Казвини. От разведчиков Эрика в Пакистане, стало известно, что они лишь вдвоем из семерых братьев решились попытать удачу за границей, остальные же состояли на службе у афганских конопляных боссов. У них не было семей, а зарегистрированная на них квартира в Прибалтике пустовала уже много лет, из чего Эрик сделал вывод, что эти двое – вечные путешественники, не привязанные ни к одному месту. К своим сорока годам они, наверняка, объездили уже кучу стран. В паспортном реестре нашлись визы в Японию, выданные им около пятнадцати лет назад, и также давно потерявшие действительность. Там они пытались счастье и даже, наверняка, работали, потому что японская мафия всегда имеет ряд вакансий для собратьев-азиатов, пусть и далеких по генетическому коду. Возможно, Даг, сам того не зная, имеет дочку, рожденную от японской шлюхи, которая каждый вечер смотрит на одну-единственную фотографию отца, и слушает рассказы матери о том, каким сильным и смелым был он, когда

работал на Якудзу. Его дочь обязана быть сообразительной, упертой и такой же храброй, как и ее отец, потому что она совершенно точно хочет отправиться на его поиски.

А на этой фотографии брутальный Эйнар Качмарек. В его светлых глазах, глубоко посаженных на толстощеком лице, читается напористость и бескомпромиссность, он – довольно волевой человек, знающий, что хочет получить от жизни, и идущий за целью до конца. Полицейские из Стрелица прислали записи об Эйнаре: больше всего там фигурировали заявления его бывшей жены об оскорблениях и побоях. Их брак длился шесть лет, в течение которых появилась одна дочка и тридцать восемь заявлений о домашнем насилии. Элен, в конце концов, получила полную опеку над Малеттой, а Эйнар – возможность встречаться с ней один раз в неделю. Наверняка, эти встречи проходили очень бурно и радостно, ведь девочки всегда любят отцов по-другому, не так как маму. По крайней мере, так говорили Эрику. Скорее всего, Эйнар баловал дочурку подарками вроде игрушечных пистолетов и нунчак, а возможно, даже водил в тир и на гонки на детских электрических автомобилях. А Элен устраивала по этому поводу сцены ревности и недовольства, мол, подобные занятия неуместны для девочек, ей больше по душе игра на скрипке и балльные танцы.

Так Эрик и проводил большую часть времени – выдумывая счастливые моменты из несуществующих более жизней. Разумеется, не было никакой госпожи Цукетты с запечен-

ными яблоками, внебрачной дочери от шлюхи и подарочных пистолетов с нунчаками. Все это – фантазии Эрика, чья единственная цель – заставить его раскаиваться в содеянном.

Шестьдесят три жизни окончены одним лишь приказом Эрика, одним лишь его словом. И сколько бы ты не перечитывал эти документы, былого не вернуть, как и человеческие жизни.

Эрик устало запрокинул голову на спинку дивана, готовый взорваться от ярости на самого себя. Что это за слюни ты тут распустил? Что за непонятно откуда взявшиеся угрызения совести за ублюдков, которые желали твоей смерти не меньше, чем ты их? С каких пор ты, вообще, думаешь о тех головах, по которым ходишь? Где твоя былая беспощадность? Где твое дикое желание собственной выгоды, тот азарт от наживы, что охватывал тебя в прошлом? Да в те времена ты сам брал в руки винтовку и шел на штурм целых империй, бросал гранаты и орудовал ножом не хуже заправского мясника! Что произошло с тобой? Откуда взялась эта слабость?

Эрик поставил на лоб пустой стакан со звенящими остатками льда на дне. Ледяное прикосновение ослабило давление от работающего мозга, и на секунду показалось, что головная боль отступает. Но всего лишь на секунду. Лед – слабое средство в борьбе с собственной совестью.

– Эрик, – позвал тихий хриплый голос.

Эрик сел и посмотрел на дверь. Нет, ему не показалось, пол литра бурбона было недостаточно, чтобы вырубить его сознание. В проходе и впрямь стояла Нина. Такая бледная и съежившаяся, точно высохший, скрутившийся от холода, листок. Белоснежный шелковый пеньюар, подвязанный поясом на талии, лишь подчеркивал ее болезненную синеву.

– Нина, Левий велел сохранять постельный режим, – устало произнес Эрик.

Нина же в ответ лишь прошагала напрямик к Эрику.

– Что ты делаешь? – спросила она.

Эрик тяжело вздохнул и посмотрел на разложенные на столе папки с бумагами, не зная, что ответить.

– Да занимаюсь ерундой всякой, – выпалил он на выдохе. – Тебе нужно в кровать.

Но Нина как будто его не слушала и лишь разглядывала бумаги на столе.

– Что это? – спросила она.

Эрик снова помедлил с ответом.

– Это и есть ерунда, не бери в голову, – ответил он через минуту.

Но было уже поздно что-либо отрицать, Нину так заинтересовали бумаги, что она даже выкрутила голову под неестественным углом, стараясь лучше рассмотреть.

– Не правда, – наконец, сказала она и вытащила одну из папок с именем Чингиз Мешхед.

Нина мельком пробежала по тексту, казалось, что ей не

надо даже читать, она и так уже все поняла.

– Эрик, зачем тебе это? – искренне не понимала Нина.

Но у Эрика не было ответа, и он просто молчал. И на секунду даже задумался над тем, как, интересно, Нина ощущает себя теперь, когда в ответ на ее вопрос раздается лишь чугунное молчание.

– Ты думаешь об убитых, – размышляла Нина вслух, – и ты напился.

Эрик хотел было возразить, но пустая бутылка бурбона хмуро смотрела на него исподлобья и читала нотацию о том, что врать нехорошо.

– Эрик, да от тебя же смердит сожалением, – сказала Нина, и в голосе слышались нотки омерзения.

Или Эрику они всего лишь слышались?

Эрик встал и начал собирать папки в кучу.

– Это все усталость и алкоголь. Мне надо выспаться, а тебе лежать до тех пор, пока твоя кожа не приобретет нормальный человеческий цвет! – сердито выпалил он, стуча ребрами папок о стол.

Не хватало ему еще всевидящего мозгоправа сейчас для полного счастья! Эрик прошагал к дальней стене и закинул папки в сейф. Туда же, где скрывалась от чужих глаз медкарта Нины, и этот факт не остался незамеченным. Зачем ему хранить набор какой-то глупой информации в сокровенном месте? Разумеется, для того, чтобы возвращаться с их помощью в прошлое и заново переживать волнующие моменты, и

только Эрику были известны суть и значение этих моментов.

– Кто бы мог подумать, Эрик Манн вдруг задумался об этике! – произнесла Нина с удивлением и вальяжно села на диван, поджав под себя ноги.

– Ну, и с чего бы это вдруг? Задумался о спасении своей души? – спросила она.

Ее усталость, как рукой сняло, и теперь она бодро и даже весело поглядывала на Эрика с нескрываемым интересом. Эрику показалось такое поведение странным. Нина никогда не разговаривала с ним так смело, так дерзко и даже нахально. Весь ее вид выдавал в ней язвительный настрой и желание поглумиться. Что-то тут было не так.

– С чего ты это взяла? – осторожно спросил Эрик.

– Да брось. Ты так и сочишься раскаянием и самобичеванием. Осознал—таки, что ты – плохой мальчик? Сожалеешь, что пришлось убить столько людей? А ведь время вспять не повернуть, и мертвых не возвратить, сколько прощения у них не проси. Смерть – единственное, что нельзя исправить или отменить. Она бесповоротна и окончательна. Но тебе это известно лучше, чем кому-либо, ты ведь столько закопал в могилы, а еще сжег, повесил, утопил и замучил до смерти.

Эрик медленно обошел стол и встал рядом с ящиком, где хранились шприцы, заряженные транквилизатором. Главное – не думать о них, иначе эта тварь тут же поймает его мысль и, возможно, под действием гипноза транквилизатор он вколет себе, а не ей. Честно говоря, это было бы лучшим исхо-

дом, чем пуля в висок. Эрик был не глуп. Более того, за эти месяцы он хорошо узнал Нину, и уже догадался, что последствия сегодняшней ночной резни легли массивным камнем не только на его душу, но и на душу Нины, чем не преми-нули воспользоваться ее давние «сожители». Они всегда использовали чувство вины Нины для наращивания собственных сил, ведь угрызения совести ослабляли ее. Она видела в себе Монстра, такого же ужасного и безжалостного, и Монстры не упускали возможность согласиться с ней и давить на чувство вины до тех пор, пока она не сдастся и не спрячется глубоко внутри себя, уступив свое место этим тварям.

– Я читал их дела, чтобы найти незамеченные прежде зацепки. Ведь тот, кто управлял марионеткой все еще где-то там, живой и невредимый, – сказал Эрик, пытаясь вложить в голос всю свою уверенность и бесстрашие, чтобы самому поверить в сказанное.

Но эту тварь, что овладела Ниной, было не так-то легко обвести вокруг пальца.

Нина улыбнулась и нарочито растянуто пропела:

– Врунишка...

Ей словно доставляло удовольствие выставлять напоказ оплошности других и высмеивать их. Нина встала с дивана и медленно зашагала к Эрику.

– Нас невозможно обмануть. Эрик, милый, неужели ты до сих не понял?

Нина продвигалась к Эрику, развязывая на ходу пеньюар.

– Я знаю, что обмануть вас невозможно, – отвечал Эрик, следя за ее движениями, словно готовился к атаке. – Но только если я сам не верю в ложь.

Нина замерла. Пеньюар сполз и оголил одно плечо, и теперь груди Нины бесстыже проступали сквозь тонкую сорочку, вызывая к мужскому началу Эрика.

– А ты хитер, – прошептала Нина.

Она тяжело вздохнула, словно была раздражена, а потом медленно обошла стол, ведя указательным пальцем по деревянной столешнице, словно издающийся скрипучий звук имел невероятную важность. А Эрик наблюдал за ее приближением и все думал, как бы открыть ящик и достать чертов шприц в одно молниеносное движение.

Но Нина встала перед ним почти вплотную, и ему стоило невероятных усилий, чтобы не показать свою слабость и даже не подумать о том, что страх норовит его сковать. Эрик только лишь понаслышке знал о ее способностях гипнотизировать людей, и даже не представлял, а как понять, находишься ты сейчас под чьим-то влиянием или нет? Что если ты стоишь и думаешь, что в данный момент просто дружески беседуешь с ней, а на самом деле в твоей руке уже давно лежит заряженный пистолет и его дуло давит тебе на висок?

– Неудивительно, что Нина так превозносит тебя, – говорили монстры губами Нины. – Она верит, что ты можешь ее спасти. Глупо, правда? – усмехнулась Нина.

– Почему же? – дерзко ответил Эрик вопросом на вопрос.

Нина склонила голову набок, точно оценивая его ответ, а может, решительность.

– Что если в один прекрасный день, Нина искренне твердо и бесповоротно поверит в то, что я, действительно, в силах спасти ее? Вдруг она поверит в то, что она сама может заткнуть вас безо всяких последствий? Что если однажды она проснется и поверит в то, что вы – не больше, чем просто голос в ее голове? Разве не так все обстояло, когда ее родители были живы? Я знаю, что тогда Нина не боялась вас, да ей даже не было дела до вас. Вы крутились под ногами, как подвальные крысы, такие же мерзкие, вонючие и раздражающе писклявые! А она пинала вас и отшвыривала подальше, как докучливый мешок полиэтилена на ветру!

Улыбка исчезла с лица Нины, и она гневно взирала на Эрика исподлобья. Монстры прекрасно понимали, о чем говорил Эрик.

– Ее родители давно подошли! – злобно прошипела Нина.

– Да, это так. Но ведь вы по-прежнему боитесь, что появится тот, кто заменит их, кто постигнет их успешные методы и снова засунет вас в подвал! И будьте уверены, с каждым днем вы все ближе к этому подвалу! Я уже раскусил вас. Я знаю, каким образом вы так много видите. Это – всего лишь вопрос веры, не так ли? Вы чувствуете лишь то, во что человек верит сам, то, в чем он видит правду для себя. А потому, поверьте мне, обмануть вас совсем несложно.

Эрик практически видел, как в мозгу Нины заиграли из-

вилины, разрешая сложную задачу, что он поставил. И когда Нина подумала, что, отыскала-таки решение, Эрик понял, что монстры сели на крючок.

– Тогда скажи нам, Эрик, ты хочешь это тело? – томно протянула Нина.

Пеньюар легко соскользнул с плеч Нины и упал на пол, прозрачная сорочка соблазнительно зазывала Эрика сорвать ее и отдаться порыву страсти.

– Ты ведь хочешь Нину? – продолжал она. – Посмотри на нее, посмотри на ее изгибы, вдохни аромат с ее волос, дотронься до нежной кожи. Разве ты не хочешь этого?

Эрик сжал челюсть и затаил дыхание. Всем своим видом он демонстрировал, как борется с острым желанием, пытаясь не поддаться на провокации.

Нина растянулась в удовлетворенной улыбке победителя.

– Ну, вот видишь? Оказывается, обмануть нас – не так легко, как ты думал, – довольно произнесла Нина.

Эрик сделал усилие над собой и продолжил свой обман, прося прощения у Нины в мыслях за поступок, что собирался совершить, чем только еще больше раззадорил эту тварь внутри нее.

Эрик резко притянул Нину к себе и жадно поцеловал. Язык Нины охотно ответил вторженцу, и она обвила шею Эрика руками. Поцелуй был долгим ненасытным и даже хищным, руки Эрика скользили по юному телу, дотрагиваясь до тех мест, от которых Нина стонала.

Эрик резко развернул Нину спиной к себе и жестко нагнул через стол. Его руки сжали ее ягодицы, спрятанные за тонкими кружевами, и он плотно прижался к ним. Нина издала очередной томный стон, ощутив, как набухли его бьюки. Монстры ликовали от победы над самообладанием Эрика, который норовит не просто заняться с ней сексом, а по-настоящему надругаться, как над проплаченной потаскухой. Такое жесткое обладание, наверняка, сыграет монстрам лишь на руку в ее дальнейшем «воспитании».

И вдруг Эрик быстрым движением открыл ящик стола и вынул оттуда заготовленный шприц. Нина не успела сообразить, как уже стояла лицом к лицу с ухмыляющимся Эриком, схватившим ее за шею, в его мощных руках она казалась шей хрустального лебедя. Нина широко распахнула глаза в замешательстве, осознав, что Эрик вогнал иглу точно ей в плечо и держал большой палец на поршне.

– Трудно обмануть, говоришь? Вот тебе правда: видишь эту дрянь?

Эрик указал взглядом на шприц.

– Я вколю его и прощай на долгие сутки. А потом когда его действие закончится, я вколю еще одну дозу, а потом еще, и еще. Я буду колоть его до тех пор, пока Нина не наберется сил от кровопотери и не выздоровеет настолько, что будет способна запихнуть вас обратно, и поверь мне, я ей с радостью помогу!

Нина тяжело дышала, ее ноздри яростно раздувались, точ-

но у быка, ее глаза сверкали молниями, она готова была разорвать Эрика в клочья.

– Ее придется будить, чтобы кормить! – гневно прошипела Нина, сжимая руку Эрика у самой шеи.

– Я буду пихать в нее пищу через зонд!

– И ты готов подвергнуть ее таким мучениям? – взревела Нина.

– Даже не сомневайся!

Нина продолжала злостно сопеть, но всем своим видом демонстрировала проигрыш наперед.

– А теперь, – продолжал Эрик, – раз уж ты не пытаешься испепелить меня взглядом, я подразумеваю, что Нина все еще где-то внутри и вполне цела. Более того, она не позволяет вам меня убить. А потому дальше я продолжу говорить только с ней. Хотите – слушайте, хотите – нет. Но как только начнете меня перебивать, я отправлю вас всех в долгий сон!

Эрик слегка ослабил хватку, но продолжал держать Нину за шею.

– Нина! Я не сожалею о том, что убил этих подонков сегодня ночью. Мне наплевать, что я лишил их жен и детей любимых мужей и отцов! Они все заслужили своей участи, потому что прекрасно понимали, каковы ставки в этой игре. А ставки испокон веков одинаковы, черт возьми! Хочешь получить кусок – дерись из последних сил, кусай и рви врагов на части ради себя, ради своей свободы, ради своих жен и детей! И именно я и моя жизнь, наполненная любимыми

людьми, заставили меня совершить то, что я должен был! Я сделал это не ради того, чтобы убить кого-либо! Я сделал это, ради того, чтобы сохранить жизнь себе и моим родным и близким! Нина! Услышь меня! Да, ты навела на Пастаргаев! Но ты приняла решение, не кому умереть, а кому жить! Это большая разница! Точно также ты когда-то ты решила спасти Марка и Абея. Ты решила сохранить жизнь мне, потому что веришь, что я этого достоин больше, чем Пастаргаи! Потому что видишь во мне избранного! Потому что веришь, что я спасу тебя, и я обещаю, Нина! Я клянусь собственной жизнью, которая стоит не только сегодняшних шестидесяти трех душ, а тысячи и тысячи душ, что мне пришлось загубить за четыре десятка лет! Я клянусь, что спасу тебя! Я клянусь, что буду защищать тебя! Вот – сколько ты стоишь, Нина!

Монстры не перебили ни разу, и с каждым словом, с каждым ударением и настойчивым возгласом глаза Нины наполнялись слезами, пока, наконец, они не заструились обильными ручьями по покрасневшимся от легкого удушья щекам.

Эрик говорил с таким напором, словно сам пытался поверить в собственные слова, и это ему удалось. Почему-то пытаясь убедить Нину поверить в ложь, она вдруг перестала быть ложью, и он сам поверил в то, что его слова и впрямь имеют смысл. Сильное желание вытащить Нину из неизведанных глубин, заставило его пересмотреть собственные убеждения и страхи, которые еще десять минут назад заставляли его чувствовать себя ничтожным дерьмом.

– Эрик? – прошептала Нина.

Она открыла глаза, точно пробудилась от долгого сна.

– Что ты делаешь? – вяло спросила она.

Эрик почувствовал, как Нину охватывает слабость.

– Я так устала, – прошептала она и стала заваливаться.

Эрик легко подхватил ее на руки, прижав ее голову к своему крепкому плечу.

– Пойдем спать, Нина. Завтра станет лучше, – приговаривал он любимое обещание

Эрик понес Нину обратно в спальню, дав себе клятву, утром первым делом сжечь эти непрожитые жизни Пастаргаев, как они сожжены в реальности.

Температура в доме едва ли выше, чем на улице. В этом заброшенном фермерском доме не было ни одного целого окна, и это посреди зимы! Неужели Арн не мог выбрать укромное место потеплее? Почему эти северяне, вообще, так любят холод? У них что, кожа тюленья?

Карим завернулся уже в две куртки, а зуб на зуб все равно не попадал. За прошедшие две недели они забили досками двенадцать окон и огромных дыр в стенах, просто из нечего делать. Но два дня назад ударили морозы, и оказалось, что их бесполезное занятие принесло пользу. Хотя этот большой двухэтажный дом с полувековой историей проще было сжечь и возвести на его месте новый. За две недели бы впятером управились. Но это были лишь пустые фантазии Карима. На

деле же он продолжал вымещать злобу на скрипучих полах, гудящих от ветра трубах и рассыпающихся от влаги и старости стенах.

Карима бесило все. Ноющая боль в плече пульсировала каждый день новым ритмом, видимо, нервные окончания реагировали на перепады температуры и давления. Ампулы с обезболивающим давно закончились, да и таблетки уже были на исходе, и Карим с ужасом представлял, какие боли его ждут, когда закончится кетанол. Потому что в этой дыре они не могли позволить себе вылазки к ближайшим магазинам, дабы избежать всяких рисков быть обнаруженными. Это захолустье стало последним островком надежды на спасение. Потому питаться им приходилось лишь здешними запасами воды и чипсами с хлебом. После двух недель такой изнуряющей диеты, Карим готов был убить ради чашки горячего чая.

Уже две недели они торчали в этом богом забытом месте посреди бескрайних фермерских полей в ветхой двухэтажной рухляди, которая еще застала вторую мировую войну! И почему ее не сожгли тогда? Хотя даже это не спасло бы. Арн всегда тяготел к затхлым древним зловонным местам, словно был вампиром, боящимся солнца. Он бы нашел дом аналогичный этому или какую-нибудь пещеру. Эти Северяне в буквальном смысле отморозки.

Их осталось всего пять. Двое сподручных ребят Карима и Арн с Руни – все, кто уцелел в Нордберге той ночью. Их застали врасплох, даже караул не успел пискнуть – их убрали

так незаметно и так быстро, словно Эрик наблюдал за ними несколько дней, изучая позиции бойцов. Руни утверждает, что это невозможно, так как на подъезде к комплексу они чуть ли не каждый метр дороги оснастили камерами слежения, ни один разведчик бы не прошел мимо них незамеченными. Что бы он там ни говорил, а целому отряду головорезов Эрика хватило тех десяти минут, чтобы незаметно снять караульных. А чертовы операторы за компьютерами слишком расслабились от хорошей жизни, потому что пропустили на мониторах целый конвой из десяти джипов.

Суматоха началась только в тот момент, когда уже нижние два этажа были зачищены вражескими бойцами. Взрыв гранаты замаскировать невозможно, а потому именно этот звук забил тревогу вместо уже мертвых на тот момент караульных.

Арн сказал, что как только они поняли, что бой им не выиграть, он схватил Руни с ноутбуком и винчестерами, и в сопровождении Акрома и Малика успел покинуть место бойни незамеченным, оставив людей подыхать под градом пуль. Что ж не утонул вместе с кораблем, чванливый хвостун? Ты же такой большой и грозный! Что вдруг испугался выйти на поле битвы?

Теперь эти двое – Арн и Руни – дни напролет сидели в своей комнатухе наверху и думали, как оправдаться перед боссом за столь оглушительный провал! Карим рад бы подливать им масла в огонь все это время, что они торчат в этом

ледяном древнем царстве, да вот ноющее плечо не позволяло думать ни о чем, кроме себя. Еще одно эгоистичное чмо в их рядах!

Карим допил остатки пива и смял банку в руках, испытывав секундное удовлетворение от хруста алюминия. Вот бы так же сжать глотку долбанного Дэсмонта! Карим силой отшвырнул банку о стену, будто надеялся, что она расшибет себе мозги и изойдется кровью и кишками на полу. Его раздражение достигало все большего градуса от бесконечной боли, бесконечного холода и бесконечного ожидания.

Босс не выходил на связь уже две недели. Он, разумеется, знает об их крахе, но почему-то до сих пор не дал о себе знать. Хотя бы позвонил и сказал, что убьет их всех медленной смертью, и то легче бы стало. Хотя бы стало известно, чего ждать. Но ни звонков, ни посыльных, ни вестей. Он словно испугался, что Эрик каким-то волшебным образом найдет и его, а потому запрятался поглубже в нору. Но Карим был уверен, что босса запугать не так то просто, а может, даже невозможно. А потому его молчание казалось странным, и Карим нутром чуял, что этот хладнокровный ублюдок готовит нечто оригинальное.

Да еще этот Арн. Из него ни слова не вытащить с тех пор, как они явились сюда. Хотя оно и понятно. Он только что спустил в унитаз кучу денег, наркотиков и людей. Какое растрапничество! Карим определенно будет присутствовать на казни Арна, и даже снимет весь процесс на видео, чтобы с

наслаждением возвращаться в этот момент в будущем.

Холод окончательно замучил, Карим резко встал со стула и зашагал кругами по комнате, которая раньше служила гостиной, а теперь кладбищем старых матрасов и осколков от бутылок. Онемевшие ноги благодарили хозяина за разминку, иначе бы совсем превратились в подобие заледенелых труб. Движения Карима были резкими нервными, словно этими взмахами и топотом он мог освободиться от раздражающего плеча. Карим тяжело вздохнул и понял, что слишком самолюбив, чтобы страдать в одиночестве, а потому быстрыми шагами покинул гостиную и поднялся по лестнице на второй этаж.

Комната, где гнездились два ничтожных остатка от Северян, была не теплее других, но из-за вечной ненависти к ним она казалась Кариму лучше, чем его. Светлее что ли, шире. Хотя по факту это было не так.

Арн и Руни сидели за израненным облупившимся деревянным столом, подпертым коробками вместо одной ножки, и как всегда что-то искали в ноутбуке.

– Есть что-нибудь? – буркнул Карим, усевшись на стул в углу.

Арн и Руни даже не обернулись.

– Звонков не было, – ответил Арн.

– Ну, а электронная почта?

– Я тебе уже говорил, на ноутбуке нет интернета.

– Тогда что вы тут копаетесь целыми днями? – не понимал

Карим.

– Смотрим видеозаписи, изучаем фотографии, – без энтузиазма ответил Арн.

– Они уже ничем не помогут. Все наши мертвы, если ты не заметил.

В комнате воцарилось молчание. Но вовсе не из-за минuty памяти погибших, а просто потому, что Карим ждал ответ на свой язвительный комментарий, а Арну было наплевать.

– Я не понимаю, чего мы ждем? – Карим не желал так просто сдаваться. – Уехали бы давно к себе домой и там бы думали, что делать дальше! Торчим тут как какие-нибудь хиппи посреди лесов да жрем непонятно что! Меня уже до трясулки все это бесит, черт возьми!

Карим снова начал мерить комнату шагами.

– Ты слышишь, Арн? – рявкнул он.

– Слышу я тебя прекрасно! – не выдержал северянин.

– Ну, и что скажешь? С чего ты, вообще, взял, что мы должны ждать здесь до нового приказа? Вдруг его не будет? Босс не выходит на связь с самого побоища! Откуда ты знаешь, что нам надо сидеть здесь и морозить задницы! Мы тут с голода скоро подохнем!

– Потому что так было велено изначально! – Арн тоже начал выходить из себя, все-таки не тюленья же у него шкура, и выдержки надолго в таких спартанских условиях не хватит. – Это место предназначалось для самых крайних случаев, коим и является сегодняшнее положение дел. А нахо-

диться мы тут будем столько, сколько понадобится! И жрать дерьмо столько, сколько понадобится!

Карим хотел было уже накинуться на Арна, но приложил все силы, чтобы сдержаться. Он и с двумя руками ему был не помехой, а сейчас то и подавно.

– Черт с тобой! А что вы смотрите? – Карим склонился над спинами Арна и Руни и уставился на экран.

Это были кадры с камер видеонаблюдения в Нордберге, на которых отчетливо запечатлелись отряды бойцов, входящих группами внутрь здания.

– Пришел, увидел, победил! Нет здесь ничего интересного! – буркнул он.

– Да ты взглядишь!

Руни перемотал запись, и Карим понял, что этот мозговитый парень скомпоновал длинный видеоролик с разных камер наблюдения, отчего можно было просмотреть один и тот же момент с разных ракурсов.

– Они знали, куда идти!

– И почему это кажется странным для вас?

– Потому что в комплексе двенадцать одинаковых зданий, но они выбрали именно наше, словно их кто-то вел! – объяснил Руни.

– Или шли на радиомаяк, – предположил Арн, – но тогда откуда он взялся?

– Да откуда же, откуда и ваш Симон! Предатели всегда есть на обеих сторонах! – подытожил Карим и вернулся об-

ратно на стул потирать раненное плечо.

– Это единственное логическое объяснение, – тихо проговорил Руни.

– Что-то слишком много предателей завелось в наших рядах, – Арн был настроен скептически.

– А я не удивлен. Мы бросили вызов Эрику Манну. Все хотят оказаться на его стороне и оторвать при этом какой-нибудь кусок.

– Все кроме нас! – прошипел Арн.

– Ой, да брось! Вспомни Симона!

– Я тебе уже сказал, что его вина не доказана и сомнительна!

– А для меня она очевидна! По крайней мере, она логичнее, чем твои непонятные поиски черт знает чего! Предатель! Вот – как они узнали, где находятся все наши склады и штабы! Надо было лучше подчищать свои ряды! А теперь сидишь и сам не знаешь, чего ищешь на этих записях! Может быть ангела? Может сам бог указал Эрику своим перстнем судьбы на нас?

Арн молчал. Он и не собирался делиться с Каримом теми странными фактами, что обнаружил. Это бесполезно. Карим никогда не был и не будет на одной с ним стороне.

– Вы слышите? – вдруг произнес Рубен.

И только сейчас Карим заметил какой-то звук, необычный для этой местности.

Все трое вскочили практически одновременно, когда со-

образили, что это звук колес по гравийной дороге, и он приближался.

Руни выглянул через щель между досками в окне и сказал:
– Четыре внедорожника.

Арн переглянулся с Каримом, и на обоих читалась радость от облегчения.

Наконец-то!

Через минуту все пятеро уже высыпали на крыльцо в ожидании гостей.

– Кто это? – спросил Акром.

– Подмога, ребята! – Карим почти плясал от счастья.

– Черт подери, я уже думал, мы тут сдохнем все! – выпалил Малик.

– Босс прислал подмогу! Это хороший знак! Он все еще верит в нас! У нас появился еще один шанс завоевать для него город! И, черт возьми, я не подведу в этот раз! Я разработаю новый план, да такой, что полгорода разнесет, но мы уничтожим Эрика с его шайкой!

Восторженные речи Карима приободряли. Акром и Малик уже смотрели наперед, предвкушая месть за своих собратьев. Они накинутся на чертова Эрика и его империю и разнесут ее на куски. Они разъяренны и голодны, и это лишь добавляет им сил.

Серебристые внедорожники остановились точно перед домом. Из них тут же высыпали бойцы с автоматами. В отличие от измученных голодом и ожиданием пятерых бедняг,

эти бойцы были полны сил и свежести. Карим с завистью смотрел на их аккуратные стрижки и бритые щеки, Арн – на черные драповые пальто, Руни – здоровый цвет лиц и глаза без мешков.

И тут до Карима дошло, что это не простые бойцы, а лучшие из лучших, и видел он их всего однажды. И как только ошеломительная мысль добралась до того участка мозга, который смог переработать ее и донести до сознания, Карим задержал дыхание.

Задняя дверь одного из джипов открылась, и оттуда показался сам босс.

Пастаргаи переглянулись, Арн и Руни же остались неподвижны. Они уже давно его ждали.

Его блестящие черные ботинки по-хозяйски захрустели по гравийным камням, словно вся местность вокруг от горизонта до горизонта принадлежала лишь ему. Черное драповое пальто длиною почти до щиколоток сверкало изыском и безупречностью, подобно великолепной королевской мантии. Неизменный шерстяной клетчатый шарф обвязан вокруг шеи в несколько слоев, ровно уложенные русые волосы отливали карамелью на свету. Прямой нос вкупе с узкими губами и скулами выражали напористость, твердость и безжалостность.

Мужчина подошел к пятерым бывшим узникам фермерской темницы и оглядел всех.

Его пронзительные зеленые глаза хищного волка не упу-

стили из виду ни одну деталь на остатках его бывшей армии: каждый грязный волосок, каждая забившаяся пора на лице, каждая блоха и таракан, перебравшиеся на одежду со старых матрасов: все было замечено, подвергнуто анализу и вынесено на суд.

Мужчины потупили взгляд и поежились. Карим еще с самой первой встречи с боссом заметил, что не один он испытывает крайнее неудобство рядом с ним. Почему-то от его равнодушного пристального взгляда хотелось провалиться сквозь пол, или вжаться в бетонный столб, или улететь подальше в космос, лишь бы избавиться от этого бесстрастного взгляда, уничтожающего всякое желание жить в любом одушевленном существе. Карим всегда задавался вопросом, испытывает ли босс хоть какие-нибудь чувства? Гнев, радость, сожаление, зависть, да хоть какое-то обыкновенное человеческое желание, будь то вдохнуть свежего воздуха после дождя или отведать вкуснейшего бифштекса? Уж вкусно поесть всякий любит! Кариму бы не помешало сейчас поесть. Но чем больше он размышлял о боссе, тем больше верил в то, что, скорее всего он просто двигается как робот: ест, спит, справляет нужду и ложится спать. Поиск наслаждений был не для него. Создавалось впечатление, что всю свою пятидесятилетнюю жизнь он, вообще, фрондировал все, что было связано с удовольствием.

– Здравствуй, Арнольд, – наконец, произнес он.

От звука его хриловатого, ледящего душу, голоса

вдруг захотелось провалиться к чертям на самое дно ада, хотя босс, наверняка, и там его найдет.

– Томас, – достойно ответил Арн.

– Здравствуй, Карим.

– Здравствуйте! – выпалил тот от растерянности.

Малик открыл входную дверь, приглашая внутрь. Томас спокойно зашел в обитель смрада и грязи, словно несколько не был смущен видом и запахами, хотя даже Карим боялся подцепить здесь какую-нибудь заразу. Многочисленная свита облизанных и начесанных бойцов остались снаружи охранять периметр. Они вглядывались в окрестности точно ястребы на охоте, даже малейшее движение кустов не оставалось без внимания.

Через пару минут Томас сидел за подобием кухонного стола, пятеро издыхающих мужчин сели по обе руки Томаса. В бывшей кухне царило молчание, лишь ветер завывал сквозь щели забитых окон, да капала вода из-под крана. Все выжидали, когда Томас начнет разговор. Кроме него никто не имел на это право.

Но Карима донимала жуткая боль в плече, ему срочно надо было выбраться из этой дыры и вколоть себе сразу десять лошадиных доз обезболивающего, поэтому он не дождался окончания этой игры в молчанки и затараторил:

– На нас напали! Внезапно! Мы понятия не имели, что они выследили нас! Черт, да мы были уверены, что это они у нас на мушке, а не мы у них! Разведка глаз с них не спускала

по двадцать четыре часа в сутки, поэтому нам удалось провести успешные операции. Мы закрыли один их таможенный коридор и развернули сеть эффективных продаж. Мы расширялись и уже к весне бы заняли два района, если бы эти ублюдки не напали со спины. Но одно мы доказали точно: Карлик действует! Его разбирают как дешевые горячие пирожки! Пришлите нам еще полсотни килограммов, я обещаю, они разлетятся меньше, чем за месяц! Мы быстро соберем денежную базу и найдем новых бойцов! А потом я размажу этого ублюдка Эрика по стене!

Томас смотрел на Карима глазами, не выражающими ничего. Абсолютно ничего. Даже больше, чем абсолютно ничего. Словно все, что сказал сейчас Карим, было пустым звоном или писком назойливой мухи. Вот и привет киборгам и искусственным разумах. Ну, как человек может быть таким бесчувственным? Только что Карим набрался храбрости (один единственный из всех сидящих здесь, между прочим!) и первым взял слово, а в ответ получил лишь глухое молчание.

Он, разумеется, даже не догадывался, что все его слова были не важнее свиста ветра.

Был бы он ближе к Арну, то узнал бы, что деньги – это единственное, в чем босс не нуждался ни на секунду. Дело не в них, и даже не в Карлике: это никогда не было причиной для войны, а всего лишь поводом. И сколько бы значения Карим не придавал своему ненаглядному Карлику, для босса

все это было пустышкой.

Томас перевел взгляд на Арна. Тот сидел, строго соблюдая правило молчания, пока не дадут разрешения говорить, точно самый дисциплинированный ученик.

– Арнольд? – наконец, произнес Томас.

Арн выпрямил спину и заговорил:

– Нас разнесли. Убили всех до одного. Уничтожили склады и все каналы сбыта. Все четырнадцать точек продаж зачищены, а их хозяева убиты, – отчеканил Арн доклад генералу.

Карим выпучил глаза.

– А почему ты мне об этом не сказал? – завопил он.

– А что бы это изменило?

– Я должен был знать! Все-таки я сам нашел все точки продаж! Я один разработал весь план!

– Который с треском провалился, – ухмыльнулся Арн.

– Да! Из-за предателей среди твоих людей!

Вот они и подоברались к кульминации конфликта. Сейчас Томас вспомнит про Симона, а потом Карим преподнесет ему информацию, которую недавно получил от Арна и Руни о том, что кто-то целенаправленно наводил людей Эрика на их штабы и склады, и тогда Арну точно придет конец.

В кухне воцарилось молчание.

Вопреки предположениям Карима, Арн не продолжил перепалку, а Томас, похоже, и не намеревался подвергнуть того смертельным мукам. Будто между этими двумя была какая-то договоренность.

Томас глубоко вздохнул, подобно, уставшей от расшалившихся детей, няньки, а потом сказал Кариму:

— Эрик проследил путь грузовиков-транспортников до лаборатории в Арнеме. И неделю назад лаборатории не стало. Твой Карлик уничтожен.

Карим, пораженный новостью, оперся о спинку стула, и тот жалобно скрипнул. Лаборатория в Арнеме была единственным местом рождения Жгучего Карлика, она была оснащена всем необходимым оборудованием и материалами для варки наркотика на ближайшие полгода. Но для Карима она значила нечто большее, чем просто лаборатория. Когда он получил новую формулу наркотика, который в тот момент еще не имел столь красноречивое имя, от своих товарищей из Пакистана, Томас предложил в буквальном смысле тонну денег на раскрутку товара. Карим сразу определил, что перво-наперво необходимо найти помещение для производства наркотика. Он потратил около трех месяцев на поиск святой земли, а потом и на восстановление и оснащение заброшенной ткацкой фабрики, превратив ее в настоящую обитель высоких технологий, рай для химиков и технологов. Карим был уверен, что именно тщательный подход к процессу варки Карлика сыграл решающую роль в его быстром росте популярности. Новость о том, что все труды, что он затратил на создание совершенной лаборатории для совершенного наркотика, пошли прахом и унесли на тот свет его детище, стало для Карима огромным ударом, хоть он и старался это не

показывать. Даже убийство полсотни людей и уничтожение всех складов с дилерами не повлияла на него так, как ликвидация месторождения Карлика. Наверняка, Эрик ни на секунду не задумался над тем, скольких усилий стоило то, что он разрушил парой килограммов взрывчатки.

– Томас, Арнем находится слишком близко к тебе, – задумчиво произнес Арн, просчитывая возможности. – Тебе надо уехать подальше.

Томас устался в одну точку, словно тоже рассчитывал вероятность быть обнаруженным Эриком. Но никто из присутствующих не знал, а ищет ли Эрик кого-либо, кроме Карима?

Томас тихо выстукивал монотонный ритм пальцами, затянутыми в перчатку.

– Боюсь, после всего произошедшего это невозможно, – наконец, произнес Томас. – Потому как по итогам того, что мы имеем на данный момент, вы либо хотите сказать, что вы невежественны, трусливы и невероятно тупы, либо хотите заставить меня поверить в то, что Эрик Манн и вправду всесилен.

– Да этот поганый черт ни хрена не стоит! – возразил Карим. – Видел я его вблизи, общался с ним лично! И уже почти прикончил! Только удача спасла его! Никакой он не бессмертный! Пустое фуфло! Я говорю, тебе, Том, дай нам вернуться в город с Карликом. Побольше бойцов и смелых действий, и мы прижмем эту паскуду!

– Ты просишь сделать второй дубль твоего плана, – невозможно произнес Томас.

– Нет! Я прошу усилить его бойцами и напором! Мы недооценили мощностей Эрика, но теперь мы их знаем! Так давайте ковать сталь, пока горячо!

– Железо.

– Что?

– Ковать железо, пока горячо, – исправил Том.

– Да хоть ртуть! Я говорю, нельзя сидеть и прохлаждаться! Мы бесполезно тянем время, пока Эрик в данную секунду приходит в себя и собирает овалы авторитетов! Мы лишь играем ему на руку, позволяя набирать в свой союз еще больше партнеров!

В кухне снова смолкло. Казалось, только Карим и болел искренне за общее дело. Хотя может виной тому раздражающая ноющая боль в плече, не позволяющая спокойно сидеть на месте.

– Что-то мне подсказывает, что у тебя на этот счет совсем другие мысли, Арнольд, – обратился Томас к викингу.

Тот лишь смущенно потупил взгляд и вздохнул, точно набираясь смелости высказать свои предположения.

– Я думаю, количество бойцов несильно повлияет на исход ситуации, – наконец, ответил Арн.

А через минуту добавил, глядя Томасу в глаза:

– У меня кое-что есть для тебя.

– Ну, так поделись ты уже! – Карим почти кричал от воз-

буждения. – Что же это, Арн? Давай! Мы все хотим послушать твои очередные гениальные мысли самооправдания!

Арн сделал кивок Руни, и тот в мгновение ока достал из ниоткуда свой ноутбук, с которым не расставался ни на секунду за все эти недели. Потому что именно в нем хранились аргументы в пользу сохранения его жизни и жизни Арна.

Руни установил ноутбук перед Томасом и начал запускать видеофайлы по ходу объяснения Арна.

– Я уверен, что у Эрика есть кто-то, кто дает ему невероятно точные наводки, – начал Арн. – Вот, это компиляция записей с городских камер видеонаблюдения, здесь ты видишь маршрут наших ребят, когда они везли Марка к озеру. А вот здесь, – Арн вытянул на левую половину экрана еще один видеоролик так, чтобы он шел параллельно с первым, – это маршрут Эрика четыре часа спустя.

Долго наблюдать за перемещениями автомобилей в двух разных промежутках времени не пришлось. Томас быстро сообразил, что маршруты совпадают, это было очевидно, тем более с помощью столь понятного метода демонстрации.

– Столь точное копирование возможно, если на твоей машине был установлен радиомаяк, но я так понимаю, ты исключаешь этот вариант, – предположил босс.

– Я много раз пересматривал видеозаписи с разных ракурсов, много думал и понял, что единственное объяснение – это, если кто-то дал им номер нашей машины, тогда компьютерщики Эрика смогли проследить ее маршрут по тем же

камерам видеонаблюдения и вести Эрика, объясняя путь по телефону. Видишь? Он постоянно норовит свернуть не туда или проехать нужный поворот. Но видеокамер нет на загородном шоссе. И я не понимаю, как он узнал точное место, где затонул автомобиль.

– Предатель! Это же очевидно! – Карим закатил глаза, устав повторять одно и то же. Черт возьми, неужели они все такие тупые?

Томас смерил Карима очередным равнодушным взглядом и вернулся к Арну.

– Симон! Симон не вернулся в тот день с пирса! И тело его отсутствует в морге! Он и сдал нас Эрику, – Карим готов был руку дать на отсечение.

Но босс по-прежнему не торопился согласиться с выводами Карима.

Арн знал, что Томас ни в жизнь не поверит, что Симон предал его. Слишком уж длинные отношения они имели, казалось, они были знакомы с детства. Но, разумеется, наверняка этого никто не знал. Симон всегда был правой рукой босса в самых важных вопросах и конфликтах. Иной раз Томас ставил на решение Симона свою жизнь, но об этом Карим не знал. Этот монгол, вообще, мало во что был посвящен, хотя был уверен, что является первым помощником босса.

Карим почувствовал, что Томас противится мысли о предательстве Симона, и предложил более мягкую версию:

– Отбросим Симона! Пусть это будет кто-либо другой, неважно, кто! У нас была почти сотня людей, неужели ты готов поручиться за каждого? Черт с ним! И я не поручусь за каждого из своих! – Карим попытался перетянуть Арна на свою сторону, подкинув хлебную крошку, лишь бы тот отбросил свою идиотскую погоню за неизвестной причиной их провала.

– Если бы среди вас была крыса, она могла передавать информацию обо всем, потому вас так легко и нашли, – Томас снова дал задачу Арну.

Казалось, что Томас играл с верой Арна в себя, будто его забавляло наблюдать за тем, как его вера подвергается обстрелу снова и снова. Томас проверял выдержку и упорство Арна, хотя сам уже давным-давно сделал выводы о произошедшем. И выводы его, наверняка, безошибочны.

– Что-то уж долго они ее собирали. Между нападением на пирсе и бойней две недели назад прошло четыре месяца! Зачем им ждать, пока мы окрепнем?

– Да чтобы протестировать Карлика! – воткнулся неугомонный Карим. – Посмотреть, как приживется, понравится жителям, проследить динамику роста его популярности!

– Ну, и уничтожили бы нас в самом начале и забрали его, а потом сами бы испробовали! Зачем столь сложный и опасный эксперимент? Эрик бы ни за что не поставил на это свою жизнь! – ответил Арн и тут же вспомнил тот день на берегу реки.

Его руки сковала дрожь, и он спрятал их под столом.
«Тебе больно. Ты же ранен».

Ее голос продолжал преследовать его в кошмарах. Он просыпался посреди ночи от ужаса, что она сидела здесь в его комнате и крутила дырки в его теле. Тогда Арн доставал из-под подушки шарф, уже протертый, грязный, потормошенный от постоянного теребления, и скручивал в руках, точно душил собственные кошмары. Вот и сейчас он незаметно достал шарф из внутреннего кармана куртки, где всегда его прятал, намотал на руку и сжал в кулаке.

– Что ты предлагаешь? – спросил Томас.

– Наблюдать, – резко ответил Арн.

– Какой гениальный план! Мы полгода наблюдали за Эриком и его компанией, прежде чем вышли из тени! – воскликнул Карим.

– Этого было недостаточно. Надо увеличить количество шпионов, рассовать их везде, где только появляется Эрик и все его приспешники, вплоть до продуктовых магазинов! Мы наблюдали за ним полгода, но мы так и не узнали его. Его тылы по-прежнему запечатаны, – ответил Арн.

Карим фыркнул.

На несколько минут в комнате снова воцарилась тишина. Малик и Акром сидели тише всех и лишь переглядывались с одного на другого. Арн и Карим даже не смотрели друг на друга. Томас продолжал смотреть куда-то вдаль и настукивать пальцами глухой ритм, изредка бросая подозрительные

взгляды на Арна.

Наконец, Томас произнес:

– Идите к парням. Вас надо привести в человеческий вид.

Мужчины, как по команде, встали и направились к выходу. И только Арнольд остался на месте.

Карим это тут же заметил, но, увидев, что Томас также сидит за столом, понял, что между этими двумя и вправду есть какое-то неизвестное ему соглашение, которое они собирались обсудить без лишних ушей.

– У тебя ведь есть еще что-то помимо этих записей? – спросил Томас, когда они с Арном остались одни.

– Есть.

Томас заинтересованно кивнул.

– Плохое предчувствие, – ответил Арн.

Томас сверлил бойца взглядом и едва заметно улыбнулся.

– Признаюсь, ты меня заинтриговал Арнольд. Ты сообщил, что мне пора приехать, всего за два дня до Варфоломеевской ночи. Ты ведь знал, что это произойдет?

– Нет. Я только чувствовал... Я чувствовал, что что-то грядет, что мы что-то упустили, просчитали. Я чувствовал, что мы уже проиграли Эрику наперед. Но сказать, как и почему, я не могу.

– Врешь, – резко бросил Томас, – у тебя есть ответ. И я хочу услышать его.

Арн чуть поерзал на стуле, словно сидел на куче ежей, а потом начал давать свой непонятный ответ.

– Тут что-то не так, Томас. Странно это все как-то. Эрик то на шаг впереди, то на шаг позади, то он едва теряет одного из своих, а потом чудом находит. То он проигрывает на пирсе и упускает коридор, то словно за секунду узнает местоположение наших точек. Не вяжется это все. Странно это все. Если он действительно хорош, то не допускал бы таких промахов, как потерю таможенного коридора. А если он глупец, то скажу, что он чертовски везучий глупец. Потому что, в какую бы передрыгу он ни попал, так или иначе она работает ему на руку! Такого не бывает! Его словно кто-то все время спасает в самый последний момент.

Томас слушал, не перебивая. Он хотел, чтобы Арн высказал все, что у него накопилось в мозгу в сознательной и бессознательной форме, потому что вся его информация имела высокую цену, пусть даже она звучала бессмысленно.

Томас снял перчатки и небрежно бросил их на стол. Золотой перстень с вращающимся диском в виде рулетки, обрамленный четырьмя изумрудами по краям и с одним большим бриллиантом в центре, являлся бессменным атрибутом Томаса. Вдоль диска огромными буквами было выгравировано слово «Игрок». Сам перстень имел многолетнюю историю, и возможно, даже был передан Томасу кем-то в далеком прошлом, это было понятно с одного лишь взгляда на этот шедевр. Таких перстней-произведений искусства больше не изготавливали. И его раритетность определенно значила нечто очень важное для Томаса, нечто, что знал только он.

– Да еще эта девчонка, – бросил невзначай Арн. Томас напрягся.

– Девчонка? – переспросил он.

Арн тяжело вздохнул и снова заерзал на стуле. Он достал, наконец, из-под стола руки, в которых зажал этот злополучный шарф, словно нависшее над ним проклятие, Арн ненавидел его и в то же время что-то мешало ему избавиться от него.

Глаза Томаса тут же вспыхнули огоньком легкой озадаченности.

– Откуда он у тебя? – удивленно спросил Томас.

Арн проследил за его взглядом и понял, что Томас спрашивает про шарф. Арн усмехнулся. И вправду, откуда у такого солдата как он может оказаться шарф из превосходной тончайшей шерсти?

– Да вот как раз таки от этой самой девчонки.

– Можно?

Просьба Томаса прозвучала нелепо, но в то же время так почтенно. Томас всегда имел все, что хотел. Уж в его ли положении просить такую мелочь, как грязный шарф?

Арн размотал шарф с руки, облегченно вздохнув, словно избавился от непосильной ноши, и протянул Томасу. Тот взял шарф аккуратно и даже бережно, и начал разглядывать его с упорством ученого. Он ощупывал пряжу в разных местах, рассматривал рисунок и даже нюхал. Шарф уже давно потерял аромат женских духов, и, наверняка, пах сейчас

не лучше, чем эта смрадная обитель. Но Томаса, казалось, это не волновало. Всем своим видом Томас демонстрировал, что этот шарф ему знаком, и он, словно потерял его когда-то давно, а теперь боялся поверить в то, что все-таки его нашел.

Наконец, Томас оторвался от изучения аксессуара, и поднял на Арна глаза, полные немого вопроса.

– Расскажи мне о ней! – потребовал Томас.

3. Настало время сеять хаос

Запах лавандового крема разнесся по спальне, и с каждым движением Мии, втирающей крем в руки, мягкие цветочные волны все больше заполняли пространство.

Нина лежала на расписанной индийскими узорами кушетке и смотрела в потолок. Из белоснежного он то и дело превращался в розовый с лепнинами по периметру, широкая кровать с тяжелым гобеленовым балдахином, украшенным золотой вышивкой, исчезала, а на ее месте возникала совсем другая – та, что была далеко от этого места и времени. Там, куда Нину отправляли волны лавандового запаха, была детская комната в мягких розовых тонах с тоннами плюшевых медведей и подушек с рюшами. Широкий гардероб содержал лишь девчачью одежду и школьную форму, а не секс-игрушки и костюмы для ролевой игры. Там не было ничего, что намекало бы на этот дикий извращенный дипломный проект, которому предалась та девочка в толстых очках, поившая невидимым чаем кукольный отряд.

Родители предопределили карьеру Мии за нее. Никаких вопросов о том, что ей нравится, или кем бы она хотела быть. Ребенку, рожденному в семье потомственных юристов, не из чего выбирать, он обязан идти по стопам предков. Но, как говорят, нашла коса на камень. И даже в столь интеллигентном роду с правильными понятиями о жизни и строгими убежде-

ниями появился бунтарь, разрушающий многолетнюю безупречность фамилии. Неизвестно, каким образом Мии удалось вырваться из зацикленной петли, ведь ни ее брат, ни двоюродные братья и сестры не восстали против устоявшегося порядка, хотя юриспруденция была далеко не их мечтами. Наверное, здесь сработала та характерная особенность, что закладывается на генном уровне, и которую изучала Мия в рамках своей научной концепции. Мы не рождаемся пустышками, подобно бездушным куклам, мы уже в утробе снабжены работающим мозгом, а значит, и думать сами начинаем еще до того, как научимся осознавать происходящее в мире вокруг. Система ценностей и мировоззрения, что закладываются нам в мозг в раннем детстве, разумеется, формирует в нас ту личность, которой мы останемся до конца своих дней. Но если не брать в расчет то, что нам дано изначально, можно очень сильно ошибиться в этих ценностях. Видимо, Мия получила ген бунтаря, который доминировал над геном повиновения, и тем самым предопределил ее выбор профессии.

Мия грезила научной деятельностью и экспериментами над человеческой психикой, пусть и жестокими и даже сомнительными методами. Но она верила в свой успех, и его скорой реализации были подтверждения. Ее недавняя статья о влиянии порядка рождения детей на различия в родительском отношении к ним настолько понравилась научному руководителю профессору Богарту, что он немедленно

опубликовал ее в университетском вестнике, а третьекурсники с кафедры детской психологии даже взялись провести эксперимент в доказательство ее выводов. И лишь научному руководителю Мии были известны источники этих прекрасных мыслей, что посещали голову студентки. Она откровенно рассказывала ему о том, что именно натолкнуло ее на ту или иную гипотезу, а профессор Богарт, если поначалу и был настроен достаточно скептически насчет ее затеи работать в борделе, все же быстро изменил свою точку зрения, после того, как Мия буквально завалила его своими неординарными теориями. Благодаря им профессор Богарт вышел в научных кругах из разряда закулисных менторов в лидирующие.

Многие исследователи да и просто психологи хотели познакомиться с Мией, имя которой стало мелькать столь часто, но она сама отказывалась от любезных приглашений Богарта посетить тот или иной симпозиум. Она чувствовала, что еще не все вычерпала из этого колодца разврата, чтобы идти дальше. А если она засверкает своим прелестным личиком в газетах и журналах, она потеряет своих клиентов и место в борделе. Никто не захочет встречаться с психиатром-проституткой, использующей клиентов для написания исследований. У клиентов борделя уже есть собственный психиатр и сюда они приходят не за очередным устранением дефектов в мозгу.

Нина к ним не относилась.

Она, вообще, мало походила на клиента, хотя Эрик и

оплачивал все ее часы, проведенные у Мии. А таковых за последние две недели накопилось несколько десятков, и все потому, что с той заключительной сокрушительной победы над врагами, когда был отслежена и взорвана лаборатория, где варился Жгучий Карлик, компания, не вылезая из «Геены», праздновала свой триумф.

Зачинщиком буйных гулянок, разумеется, был Дэсмонд. Он пристыдил друзей за их размеренные скучные жизни стариков и заставил после праздничного ужина завалиться в бордель вспомнить старые добрые времена. Всеобщее торжественное настроение от долгожданной победы не обошло стороной даже ярого консерватора Рудольфа, который не устоял перед юным очаровательным соблазном с ненастоящим именем Моник. Всю ночь компания проводила в разных частях «Геены»: в клубе, в казино, в сауне, в борделе, а на утро расходились по домам, чтобы выспаться, прийти в себя и следующей ночью продолжить кутеж. Мужчины признались, что скучали по этому чувству грандиозного праздника. Они ощущали себя вновь молодыми и полными сил, словно впитали в себя жизнь уничтоженной банды.

И хотя Нина присоединилась ко всеобщему празднованию гораздо позже из-за восстановления после болезни, она быстро влилась. Вот только единственное место, где дозволялось да и хотелось быть – была комната Мии, где она проводила все то время, в течение которого мужчины развлекались отдельно от нее. Не пристало молодой девушке сидеть

в компании выпивших мужчин, к тому же под воздействием наркотиков и в окружении шлюх. Даже издалека за этим наблюдать не стоит, и Нина не сопротивлялась, ее вовсе не прельщало смущать всех своим присутствием. Они заслужили празднования победы, а веселиться они умели лишь одним способом – по-мужски.

Мия встретила Нину чрезвычайно радушно и приняла с огромным удовольствием. Разумеется! Ведь к ней пришла невероятно интересная особа с точки зрения психоанализа! Сколько проблем можно накопать в ней, сколько секретов раскрыть! К сожалению ли к счастью, Мия быстро поняла, что имеет дело с чем-то очень странным мистическим и даже опасным. И спустя неделю уже подвергала анализу не сложный юный организм, а самого настоящего убийцу.

– Был у меня один парень, с которым надо было изображать мертвеца. Я наполняла ванну льдом и лежала в ней минут десять, чтобы охладить кожу. А потом лежала с закрытыми глазами, не шевелясь и едва дыша, пока он работал надо мной. Когда я сказала ему, что тут пахнет некрофилией, он бросился убеждать меня в том, что ни разу не видел покойников в действительности. Потом я узнала, что у него даже есть жена и дочь, и он говорил о них очень нежно и трепетно. Он рассказывал, как они втроем кормят уток в городском парке каждое воскресенье, и даже устраивают по вечерам музыкальный оркестр. Он не маньяк и не убийца. Он просто почитает смерть. Он боится ее, но в то же время и

любит, как бы демонстрируя тем самым свое подчинение ей, дает добровольное согласие умереть в свой час, в надежде, что она проявит милосердие и не будет жестокой. Даже когда я играла роль покойницы, ты бы слышала, сколько ласковых слов он шептал мне, как деликатно целовал и трогал! Он не ненавидел меня, как основная часть некрофилов, которые поедают мертвецов в знак протеста смерти. Он любил меня.

Нина повернула голову набок. Мия сидела за туалетным столиком и подправляла макияж.

– Хочешь сказать, я – некрофил? – удивилась Нина.

Мия засмеялась.

– Нет, разумеется! Я хочу сказать, что смерть всегда завораживала людей. Древние египтяне, например. Они, вообще, каждый день проживали плотно, вплетая в него свою грядущую смерть. Всю жизнь откладывали золото, посуду, одежду, детские игрушки, благовония для того, чтобы пользоваться всем этим в загробной жизни, потому что та потусторонняя жизнь была не менее важна нынешней реальной. Но в то же время невозможно относиться к ней ровно так же, как к настоящей. Потому что смерть, как бы ее ни приукрашали, остается смертью, и всякому существу присущ страх перед ней на бессознательном уровне, потому что она противоестественна нам, ведь мы живые.

Мия накладывала румяна и рассуждала.

– Возьми другой пример – инфекционная гангрена. Мелкие вредные вонючие бактерии пожирают плоть и тем самым

распространяют некроз. Это такие же бактерии, что населяют мир вокруг, и прав у них ровно столько же, сколько и у других организмов. Но они же просто омерзительны! Как представишь, что какая-то непонятная дрянь поедает тебя заживо, мурашки пробирают от отвращения! Так же и со смертью. Это столь же нормальное явление, как и рождение человека. Но сколько не храбрись, страх перед ней никогда не исчезнет. На самом дне сознания всегда будет лежать понимание того факта, что ты никогда не сможешь с ней смириться, никогда не сможешь ее принять, ровно, как и этих плотоядных бактерий.

Мия поежилась, словно отмахиваясь от образов мерзких бактерий, и снова надушилась.

– И почему же я вижу мертвых? – спросила Нина, до сих пор не догоняя мысль Мии.

Та, наконец, развернулась на стуле и взглянула на девушку.

– Не этот вопрос важен, – начала она. – Никто никогда не даст тебе на него ответ, потому что это – паранормально. Но вопрос, который должен тебя волновать это – почему ты их боишься?

– Но я не боюсь мертвых!

– Ты боишься Монстров. Судя по твоим описаниям, они сами – ползающие трупы, что дает мне сделать такой вывод: в твоём сознании Монстры олицетворяют смерть.

Нина снова бросила озадаченный взгляд. Эта любитель-

ница науки говорила слишком много непонятных слов.

– Так ты видишь смерть, – объясняла Мия. – Ты видишь ее в образе Монстров. Если бы смерть была не явлением, а физически осязуемым объектом, то я бы сказала, что она приходит к тебе под видом Монстров. А уж почему именно в таком виде, а не в образе веселого гнома или единорога, думаю, ты и сама понимаешь.

Но по глазам собеседницы, не выражающим ничего, кроме полного замешательства, Мия поняла, что та ничего не поняла.

– Да ты взгляни на себя! Ты же просто символ горя, боли, несчастья! Ты видела смерть родителей, ты сидела в их луже крови! Ты провела в психбольнице почти всю свою жизнь!

– Но я и до смерти родителей видела Монстров! – возразила Нина.

Мия задумалась на секунду, но очередная гениальная догадка быстро зажгла лампочку в мозгу.

– Просто потому что твоя ненависть к смерти огромна, – ответила Мия.

– Я не боюсь смерти! – смело заявила Нина.

И это была правда. Уж в ее ли состоянии бояться смерти? Она видит ее каждый день, чует ее запах, слышит ее крадущиеся шаги. Она наблюдает иной раз по сотне картин умирающих людей на дню. Уж чего Нина боится, так это точно не смерть!

– А я не говорю про страх. Смерть тебя не пугает. Но

ты ненавидишь ее. Ты видела огромное количество ее ужасных проявлений, аморальных, извращенных. Ты была свидетелем бесчисленного множества болезненных предсмертных агоний и жестоких убийств. Разумеется, тут любой человек наполнится омерзением к ней!

– И что же мне делать с этой ненавистью?

– Все исходит из тебя, Нина. Из твоего отношения к смерти. Да, эти образы кошмарны, чудовищны и невыносимы. Но только потому, что ты их такими видишь.

Нина бросила на Мию скептический взгляд.

– Я вижу, как мужчину расчлениют заживо! Разве ты не находишь это чудовищным? – прошипела Нина обиженно.

Мия закусила губу. Она еще не до конца изучила феномен Нины, но из того, что она уже знала, она сделала вывод, что Нина и вправду видела иной раз чересчур жестокие образы.

– Да. Это омерзительно и просто непостижимо, – согласилась Мия, понизив голос, неуверенная в том, а смогла бы она сама выносить подобные картины каждый день.

– Но вместе с тем сколько бы боли он не испытывал, сколько бы не вылил слез и не пережил страданий, мужчина умер. Он освободился от брэнного тела, и его душа воспарила к богу, в небеса и в райские кущи и во все остальное. Он получил избавление, он стал свободным и теперь покоится на волнах безмятежности в блаженном мире, недоступном нам. Не его надо жалеть и оплакивать, Нина, а нас – живых, пребывающих в мире, переполненном насилием и бессмыслен-

ной жестокости.

Мия была ученым, она всегда находила конец загадкам, но поиск ее был беспристрастным и бескомпромиссным, не терпящим слабостей в виде сомнений «а что, если?». Ее ответ всегда был точным и неоспоримым, и не важно, что достигнув его в реальности, тебя искромсают, изувечат, ты потеряешь по пути всякое желание идти дальше, и, вообще, веру во все хорошее. Мия была безжалостна: ответ есть – иди к нему и не ной.

Почувствовав излишнюю суровость к человеку со столь хрупким внутренним миром, Мия встала с табурета и прошагала к Нине. Она жестом потребовала уступить ей место и легла рядом с Ниной на кушетку.

– Я думаю, если ты изменишь свой взгляд на смерть, перестанешь ненавидеть ее и примешь, как должное, Монстры перестанут иметь над тобой силу. Ведь, в конечном счете, Монстры – это не что-то отвлеченное и чужеродное тебе. Монстры – это и есть ты. Это та часть, которая отчаянно желает запугать тебя до чертиков и затащить на свою сторону.

Мия шептала, словно они лежали и секретничали где-нибудь под кроватью, пока снаружи их разыскивают родители.

– А что на той стороне? – также шептала Нина. – На стороне Монстров? Что будет, если я перейду на нее?

Мия тяжело вздохнула.

– Ты станешь одним из них.

– Но что это значит?

– Ты полюбишь смерть так же, как и они.

– Разве это плохо?

Мия завела за ухо локон волос с лица Нины.

– Вспомни, что я сказала тебе раньше. Ты живая, смерть для тебя противоестественна. Ты не можешь ее любить. Живое существо не может любить смерть. Это противоречит закону природы. Живой человек может полюбить смерть только в одном случае – когда сам ею становится.

– Имеешь в виду, когда человек умирает?

– Не совсем. Когда человек сходит с пути всего живущего, с пути созидания, и переходит на путь смерти – на путь разрушения.

Нина в очередной раз нахмурила брови, не понимая суть сказанного. Мия снова тяжело вздохнула.

– Убийцы любят смерть, Нина.

А через секунду добавила:

– Я думаю, если ты перейдешь на сторону Монстров, тебя охватит их жажда крови, и ты сама начнешь убивать.

В сумраках задымленного от кальяна и десятков выкуренных сигарет с травой небольшого приватного зала разноцветные лучи от стробоскопов и шаров едва пробивали плотные белесые клубы. Здесь отсутствовал трезвый разум и твердый взгляд. Здесь правили балом алкоголь, гашиш и кокаин. Они заглушали стеснение, заставляли забыться в меланхоличном бреде, отключали все защитные инстинкты и

позволяли напряженным мускулам и отяжеленным от раздумий головам расслабиться.

На диванах раскинулись мужчины. Расстегнутые рубашки, ослабленные пояса, стеклянный взгляд и глупые смешки. Девушки в эротических нарядах, стремящихся открыть, как можно больше соблазнительных частей тела, танцевали посреди зала, возбуждая пьяных мужчин. Некоторые награждали приватным танцем или танцем на коленях, неизбежно перерастающими в секс.

Здесь нет реальности, все это – лишь сон наяву. Нет страхов, забот, терзаний, неловкости или смущения, а лишь туман в голове и тяжесть в конечностях, из-за которых ощущаешь себя всесильным и могущественным, точно самым богом, сотворившим собственную вселенную.

Наркотический угар продолжался уже две недели – настолько компания была измотана погоней за Пастаргаями. И казалось, конец пьяных вечеринок еще далеко за горами, а рак до сих пор не родился, чтобы свистнуть.

Воспользовавшись появившейся уже в сотый раз тошнотой, Эрик устроил себе перерыв и сидел в самом дальнем углу зала, покуривая обычную сигарету и распивая стакан воды, точно это был самый дорогой бурбон на свете. Ценность вещей – относительна, и Эрик снова удивился тому, как быстро стакан воды может стать дороже человеческой жизни.

К уединенному уголку прошагал Роберт: не более здоро-

вый на вид. Кажется, он тоже достиг своего предела на сегодня.

Роберт плюхнулся в соседнее кресло. Эрик искоса оглядел друга: криво застегнутая рубашка, в паре мест прожженная пеплом, взъерошенные волосы, точно он проехал сотню миль на мотоцикле без шлема где-нибудь в тропиках, концы пояса на брюках свободно мотались при ходьбе, и, кажется, на нем был всего один ботинок.

– У тебя на шее пояс для чулок, – пробубнил Роберт, едва связывая слова друг с другом.

Эрик посмотрел на грудь и, действительно, на его шее болтался черный кружевной пояс от чулок. Наверное, его оставила африканка Элита. А может, та молоденькая Роксана. Она принята совсем недавно, но уже приобрела популярность в борделе.

– А на тебе два галстука, – Эрик бросил в ответ.

Роберт потрогал шею и, убедившись в правоте друга, тяжело вздохнул.

– Кажется, я сегодня чересчур сблизился с Рудольфом, – ответил он.

На секунду оба замолчали, а потом разразились хохотом. Уже много лет они не веселились так, как в эти дни, и, кажется, оба соскучились по такому веселью.

Эрик заботливо разделил другу дорожки, и тот принялся за процедуру возвращения рассудка из задворок мозга. Через пару минут глаза Роберта оживились, и он, наконец, бо-

лее менее вернулся к реальности.

– Надо бы завтра связаться с Локком. Что-то он не очень доволен нагрузкой на коридор, – сказал Роберт и осушил стакан Эрика с водой.

– Да, пора бы нам как-то исправить уже эту проблему, – согласился Эрик.

– Тем более с Пастаргаями разобрались. Больше нас не потревожат.

Эрик промолчал. У него было свое мнение на этот счет.

– Как там Нина? – спросил вдруг Роберт.

Этот вопрос прозвучал странно из его уст, Роберт не питал к ней нежных чувств, но после всего произошедшего стал частенько его задавать. Казалось, Нина растопила его разгневанное сердце.

– В порядке. Вроде как, – ответил Эрик.

И не лукавил. Он и сам не знал подробностей. После того, как она пришла в себя, он вдруг поймал себя на мысли, что ему стало невыносимо находиться рядом с ней. Он переступил грань в тот вечер, и даже, несмотря на то, что это было сделано ради них обоих, сути это особо не меняло. Нина словно стала смотреть на него по-другому. Осуждающе, с укоризной. Хотя, может он все это сам себе надумал.

Как бы то ни было, последние две недели, он мало пересекался с ней, взгромоздив заботу о Нине на плечи Учтивого Карла и Фидо. Они крепкие, выдержат. Разумеется, они отчитывались Эрику о каждом ее действии, будь то завтрак

или поход по нужде. Эрик стал своеобразным всевидящим оком незаметным для объекта слежки. Хотя в случае с Ниной нельзя с полной уверенностью утверждать, что она ничего не знала.

Роберт тяжело вздохнул.

– Все хотел с тобой поговорить, – произнес он.

– О чем?

– Ей нужна помощь.

Эрик даже подавился от удивления.

– Я рад, что ты, наконец, это понял, – сказал он, откашливаясь и постукивая по груди.

– Я серьезно! Она ведь сама по себе нормальная девчонка.

Что за гадость в ней сидит?

Роберт был искренен, и каждая скула на его лице говорила о том, что он на самом деле переживает за Нину. И тут до Эрика дошло.

– А-а-а, ты тоже пообщался с Ними?

Роберт молча отвел глаза. Детали этого общения он оставит при себе. Уж слишком откровенное оно получилось, Эрик явно не поймет.

– Она как будто была не она. Словно ее заменили, – говорил Роберт, вспоминая хищнический блеск в ее глазах в ту ночь. – Но в то же время, это ведь была она... Что это такое?

Эрик откинулся на спинку кресла и уставился в никуда.

– Она называет это проклятьем, – ответил он.

– Может так оно и есть? – ухмыльнулся Роберт.

Эрик грустно улыбнулся.

– Не знаю. Но таблетки и уколы ей не помогли. Так что, может, самое время обратиться за помощью к вуду?

Дэсмонд разбил о голову очередную бутылку пива, чем вызвал фальшивые стоны восхищения от девушек, а потом схватил двоих и уволок на дальний диван. Вообще, больше всего шума всегда было от Дэсмонда, и эта его варварская неудержимость часто играла роль спасателя в неудобных беседах. Всегда можно было отвлечься на его выходки и перевести разговор в другое русло.

Вот только настойчивость Роберта была неизменна, и снова у Эрика закрались подозрения.

– Думаешь, от Них можно избавиться? – спросил Роберт. Эрик тяжело вздохнул.

– Думаю, нет. Я думаю, Их можно только сдерживать. И я думаю, что Нина об этом знает, – тихо ответил он.

Фидо шел впереди, учтивый Карл замыкал троицу. Нина шла между двумя мускулистыми широкоплечими бойцами, изредка поглядывая вокруг. Ей встречались женщины разных возрастов, у каждого мужчины были свои предпочтения, и практически все их притязания удовлетворялись в этом месте. За последние дни работницы уже привыкли к странному завсегдатаю Мии, но странной она казалась не из-за своего пола, ведь гомосексуальные наклонности уже давно не редкость, а сам ее вид и факт того, что за ней стоял

Эрик, вызывали вопросы и слухи. Нина была слишком юна замкнута и скрыта, и на роль новой пассии Эрика едва ли подходила. Нина старалась пропускать мимо чужие проносившиеся мысли.

Клиенты часто обращали на нее внимание и осматривали с ног до головы, словно она тоже была товаром. Но потом видели мощные груди телохранителей, обтянутые в черные футболки, и сразу теряли к ней интерес. Они забывали о ней за одну секунду, а вот образы, посетившие их при виде Нины, оставались с ней надолго, и от этих образов становилось тошно. Она участвовала в невероятно извращенных фантазиях, и эти картины трудно стереть из памяти по щелчку. Все эти низости, что она наблюдала в их головах, подкармливали Монстров, открывших еще один рычаг управления по мере взросления Нины. Секс и убийства – вот их основные инструменты, вот, что тащит Нину на их сторону, и ей предстояло научиться владеть собой, преодолевать скребущиеся желания пустить чью-то кровь и поддаться развращенным формам соития.

– Здорово! – поприветствовал Фидо бойцов, стоявших на стреме у дверей закрытой зоны для важных персон.

Двое бойцов окинули взглядом Нину и сразу поняли, в чем дело.

– Эрик внутри, – сказали они и расступились.

– Нина, жди здесь, – приказал Фидо.

По требованию Эрика Нину пускать за двери было запре-

щено. Уж слишком много там того, чего она видеть не должна. Пусть читает мысли, смотрит картинки в своей голове, но не видит этого в реальности. Почему-то Эрику тяжело было открыто демонстрировать свои пороки, несмотря на то, что Нина все равно знала о них из своих видений.

Фидо вошел внутрь. Фиксатор заставлял дверь закрываться очень медленно, и Нина все же уловила детали происходящего внутри.

Приглушенный свет, громкая музыка, клубы дыма от сигарет, громкий смех Дэсмонта где-то в глубине, и девушка с убранными в ракушку светлыми волосами и в одних лишь черных чулках в сетку с подтяжками. Стройная и загорелая, ее ногти сверкали стразами, а руки обвивали шею Эрика, на котором она сидела и недвусмысленно двигалась.

У Нины сперло дыхание, а в горле встал ком. Теперь она поняла, почему реальная картинка имела совсем другое влияние на нее чем та, что она видит в своей голове. Потому что как бы ты ни была уверена в реальности своих образов, для тебя они не перешли черту миров, они по-прежнему лишь там, в твоей голове в виде картинок и образов. Да, они происходят сейчас где-то в другом месте, но ты просто знаешь о них, но не наблюдаешь собственными глазами. Все равно, что знать, на пересечении центральной и второй улиц в булочной продаются свежие шоколадные круассаны. Ты просто знаешь об этом, представляешь круассаны в горячем бумажном пакете, пропитанном маслом. Ты знаешь, как они

выглядят, какие они на вкус. Но если ты придешь в булочную и увидишь их собственными глазами, пусть даже в десятый раз, все равно круассан, что ты держишь в руке, отличается от того, что ты представляешь в голове. Просто потому что он – настоящий.

Также и с этой прелестной блондинкой, что сидела на Эрике и целовала его шею. В видениях Нины она была куда менее яркой и соблазнительной, чем сейчас воочию. И Эрик был менее реален в тех образах.

Перед самым закрытием двери и громким металлическим щелчком глаза Нины встретились с его взглядом.

И все.

Мир, открывшийся всего на пять секунд, снова закрыл свою дверь. Через минуту Нина поняла, что до сих пор не дышит. Она прижалась к стене и закрыла глаза, рисуя в воображении картину, которая по какой-то непонятной причине наполнила сердце грустью да так, что захотелось расплакаться и убежать.

Наконец, появился Фидо.

– Эрик разрешил подняться в паб, – сказал он.

Вот и попытка убежать от неизвестно откуда возникшей печали. Нина быстрым шагом пересекла коридор и главный холл борделя, и уже бежала прочь от этой раздражающей ванильной музыки, от полураздетых женских тел и изнывающих от похоти мужчин. Ей было неважно, поспевали ли за ней ее два верных пса, она хотела скорее вырваться из этого

тошнотворного мира, который совсем недавно представлялся ей большой загадкой.

Нет тут загадок. Все достаточно прозаично и закономерно: порок во всех формах имеет под собой одну причину – тяга к власти. Будь то власть над деньгами или власть над людьми: все приведет в одни и те же места, подобно этой «Геенне». И с течением времени она не будет вызывать ничего кроме омерзения и чувства тошноты.

Преодолев бессчетное количество коридоров и лестничных пролетов, Нина, наконец, оказалась в задымленном пабе. Но и здесь она не нашла спокойствия. А как его найти, если все эти люди учувствуют в едином круговороте, перемещаясь из одного помещения с развлечениями в другое?

Голова пошла кругом, и Нина почувствовала, как задыхается.

– Мне нужно выйти, – выдохнула она.

Фидо оглянулся.

– Вон там за дверью есть балкон, – предложил он.

Нина тут же направилась к нему, назойливые телохранители не отставали.

– Я выйду одна, – сказала она.

– Эрик не разрешает тебе быть одной, – возразил Фидо.

– А мне наплевать на это правило! Я хочу побыть одна!

Мне это нужно! – выпалила Нина.

– Мы не будем тебе мешать, просто постоим рядом, – поддержал товарища Учтивый Карл.

Нина злобно выдохнула.

– Я хочу выйти одна! – пыталась Нина достучаться до бойцов.

– Эрик приказал не отходить от тебя ни на шаг! – Фидо тоже был их упертых.

– Черт возьми, Фидо, ты понимаешь, что мне нужно тихое место! Место, где я не буду слышать ваши мысли! Я устала от этого нескончаемого гомона в голове!

Фидо молчал.

– Не заставляй меня лезть к тебе в голову и внушать делать то, что ты делать не хочешь, – пригрозила Нина.

Фидо переглянулся с напарником. Тот кивнул.

– Хорошо. Но мы будем стоять у двери.

Нина не ответила, резко распахнула стеклянную дверь балкона и вышла наружу.

Зимний воздух тут же обдал ледяной остротой и сдавил легкие. Голоса в голове моментально смолкли, и Нина впервые за несколько дней ощутила эту желанную пустоту в голове, которая приносила неопишемое наслаждение.

Легкие постепенно пришли в норму, и Нина сделала глубокий вдох, из-за которого в носу тут же заныли сосуды. Да и к черту вас! Нине необходимо побыть на свежем воздухе, вне стен этой порочной обители. Если честно больше она не находила в ней ничего увлекательного и захватывающего. Сплошные извращения с толстыми карманами, не знающие массу других способов развлечь свое тело и дух.

Нина почувствовала себя такой несчастной, что исказилась в лице и готова была разрыдаться.

Но даже здесь ей помешали сделать то, что она хочет.

– Слишком спертый воздух от сигар.

Мужской голос раздался так внезапно, что Нина чуть не вскрикнула.

Она была уверена, что находится здесь одна. Но оказалось, что этот узкий балкон был невероятно длинным и проходил вдоль нескольких залов, из которых на него вело шесть разных дверей. Мужчина, стоявший у перил, и с интересом наблюдающий за Ниной, вышел на балкон как раз из соседней.

– Простите? – растерянно произнесла Нина.

– Сигар слишком много, говорю. Даже глаза щиплет. Не понимаю, как это может нравиться, – пояснил незнакомец.

Нина пришла в себя и стала разглядывать мужчину. Он был чуть старше Эрика, приближался к пятидесяти годам, его аккуратно уложенные черные волнистые волосы перемежались с седыми локонами, отчего казалось, что на голове у него черно-белая радуга. Низкие брови домиком и губы, сложенные в легкую улыбку, изначально располагали к себе. Легкая щетина испещрена белыми островками седины в тон волосам на голове. Черный выглаженный костюм и туго завязанный черный галстук под самым подбородком были не к месту, ведь сюда люди приходят, чтобы расслабиться, или обсудить вопросы, расслабляясь. Но столь официальный вид

здесь был непопулярен. Мужчина стоял возле самых перил и поглядывал на Нину искоса, слегка улыбаясь.

Но не его внешность привлекла Нину. Она даже поначалу не поверила своим ощущениям, но чем больше она вглядывалась в незнакомца, тем явственнее она чувствовала некую связь со своими снами. Такое часто бывало с Ниной, она много раз встречала людей, которые, так или иначе, присутствовали в ее вещих снах. Но этот случай был особенным, потому что от незнакомца веяло той непонятной тоской, что она ощущала от северных бойцов в армии Пастаргаев.

– Вы с севера, – произнесла Нина то ли вопросом, то ли утверждением.

Незнакомец ухмыльнулся, опустил голову и издал смешок.

– Вы слышали мой акцент, – произнес он хриплым вкрадчивым голосом. – Последний раз, когда кому-либо удалось расслышать мой северный акцент, было пятнадцать лет назад. Кажется, пора возобновить визиты к логопеду.

Мужчина говорил, посмеиваясь над самим собой, а потом развернулся к Нине и уже в открытую проявлял интерес.

От его взгляда, медленно оценивающего с головы до ног, вдруг стало так стыдно. Словно Нина стояла не в платье с пышной юбкой до колен и практически нулевым декольте, а в одних чулках с подтяжками, какие она только что видела на той девушке, что сидела на Эрике. Нина неосознанно скрестила ноги и поймала себя на мысли, что в следующий

раз она пошлет Изи подальше и натянет на себя картофельный мешок.

– Город Варде на острове в Варенском заливе. Слышали о таком? – спросил мужчина с сарказмом.

Нина не смогла сопротивляться желанию узнать, что это за далекий город, который пахнет влажными опилками и тоннами морской рыбы, и на мгновение заглянула в его воспоминания.

Бескрайнее синее море и яркое солнце на изрезанном белоснежными пышными облаками голубом небе. Несмотря на солнечную погоду, ему холодно из-за сильного северного ветра, пробирает аж под куртку и толстый вязаный свитер. Он едет внутри тоннеля, ведущего на материк, его охватывает панический страх детства – быть затопленным в тоннеле, ведь он проходит точно под заливом. Морской порт на два десятка суденышек, в котором всегда пахнет свежей рыбой – здесь ее добывают немало. Узкие мощные улицы со старинными одноэтажными домами, которым насчитывается не одно столетие. Холмы ближе к центру острова становятся совсем высокими, и зимой гулять там опасно из-за риска провалиться в глубокий овраг. И все это так явственно пахло ее снами, словно она когда-то гуляла в них по этим самым улочкам и набережной вдоль гавани, вдыхала соленый воздух с острым запахом сгнивших водорослей и поедала щедро сдобренную розмарином и чесноком копченую рыбу, выловленную всего пару часов назад.

Нину так увлекла эта картинка далекой отсюда загадочной холодной страны, что захотелось оказаться там в сию же секунду.

– Паб «Глобус» с бесплатной засушенной рыбой на закуску, церквушка со шпилем на побережье, в ясную погоду ее увидишь раньше, чем маяк, – тихо проговорила Нина, любясь треугольной крышей белоснежной церкви с ровными рядами скамеек и скромным алтарем.

Незнакомец задержал дыхание, а через секунду на его лице растянулась такая широкая улыбка, которой он не одаривал никого уже много лет.

– Поверить не могу! – выпалил он в ошеломлении. – Здесь трудно встретить людей с севера, а мне повезло встретить того, кто был в моем родном городе! Невероятно!

Нина вдруг поняла, что сболтнула лишнего. Но искренняя радость одинокого человека от встречи с тем, кто побывал в его родных краях, благодатно улеглась на груди ответной радостью дающего человека.

– Виктор Хаммель, – мужчина протянул руку.

Нина опешила. Ни знакомиться, ни тем более дотрагиваться до кого-либо она не планировала.

– Я... Эрик Манн..., – Нина сглотнула, пытаясь подобрать слова, чтобы объяснить, кто она такая.

Мужчина нахмурил брови.

– Вы не Эрик Манн, – произнес он, хихикая.

Нина стала смотреть по сторонам в поисках чего-либо или

кого-либо, кто мог бы вытащить ее из этой неловкой ситуации. Она не хотела обнадеживать человека дальше и врать о том, что она посчитала его городок с населением в две тысячи человек важным для визита и знакомства, а судя по его реакции, именно это его и обрадовало. Надо заканчивать этот фарс и возвращаться в бордель, уж лучше сидеть посреди извращенцев и пьянчуг, чем вот так жестоко пользоваться наивностью людей.

Внезапно, Нина что-то поймала. Какое-то мимолетное ощущение глубокой печали и горя, глубоко засевшие в душе Виктора, приложившего все силы для того, чтоб забыть, успокоиться и жить дальше. Но Нине было видно гораздо больше, чем ему, и она поняла, что нечто утраченное много лет назад, на самом деле все еще существует, и оно ближе, чем Виктор может себе представить.

– Та золотая брошь... гроздь винограда... с аметистами. Она все еще там. Застряла между половицами напротив удачливого капитана, – произнесла Нина.

Улыбка Виктора начала сползать, брови опустились, а глаза выражали немое замешательство.

– Что Вы сказали? – едва слышно спросил он.

Образы стали мелькать сильнее, голоса вернулись и теперь настойчиво твердили о каких-то непонятных и далеких отсюда вещах, событиях, людях. Голова снова закружилась.

– Простите, что-то мне не хорошо, – Нина сделала шаг назад и оступилась на каблуках.

Виктор хотел подхватить, но тут дверь распахнулась, и на балконе показался Фидо.

– Нина, что с тобой? Господин Хаммель? – Фидо удивился, увидев, что на балконе был кто-то еще. Сквозь стеклянную дверь он видел лишь Нину, и даже не предполагал, что все это время она была не одна.

– Фидо, – Виктор натянуто кивнул.

– Я хочу домой, – выпалила Нина.

Ее голова готова была взорваться от бесконечных картин и звуков, она нуждалась в длительном отдыхе, и не в клубе, не у Мии, и не на этом чертовом балконе.

– Идем вниз, – сказал Фидо.

– Нет! Веди меня домой! Иначе, клянусь, я убью тебя!

Нина говорила не всерьез, но Фидо, прекрасно наслышанный о ее талантах, вдруг замер и начал просчитывать варианты. Через минуту он сдался и сказал учтивому Карлу:

– Сообщи Эрику, что везем ее в апартаменты.

Учтивый Карл кивнул и достал из джинсов телефон.

Виктор Хаммель остался на балконе в полном недоумении, так и не узнав, кто эта девушка, когда она была в его городе, и каким образом узнала о том, что известно лишь ему и давно умершему человеку.

В этой стране царствовали холода. Соленые, влажные, снежные. Из-за моря осадков тут выпадало немеренно. Зимой снег покрывал толстым пластом весь полуостров, осо-

бенно на холмах, испещренных оврагами, там слой снега мог достигать трех метров, потому и ходить там в это время было опасно. Лето не радовало жарой, и температура едва дотягивала до восемнадцати градусов Цельсия, да и длилось оно не больше месяца. Все остальное время года коммуна находилась под управлением нескончаемого моросящего дождя, переходящего то в ливни, то в град. Климат здесь был малорадушным, а потому и людей жило немного, а гостей из других мест еще меньше, в основном это были рыбаки да геологи.

Нина сидит на огромном валуне диаметром в полтора метра не меньше, и наблюдает с высоты холма, как в бухту заходит гигантский рыболовный траулер. Его приезда ждут все, потому что он везет с собой около пятидесяти, одичавших от моря, и разбогатевших на очередном улове, рыбаков. Они заполняют городские пабы и маленькие гостиницы на целую неделю, выпьют тонны пива, щедро отблагодарят местных гостеприимных девушек, закупят сотни безделушек-сувениров для семей, и потом поплывут дальше своей морской дорогой.

Мимо Нины пролетает стая оголтелых чаек, учуявших навязчивый рыбный запах, и летит точно к траулеру, как на пирушку. Небо сегодня невероятно ясное, и даже солнечное, что для этих мест означает примерно следующее: оно поднялось на сорок пять градусов над горизонтом и едва греет землю. Залив простирается далеко за пределы видимо-

сти, зато городок, как на ладони. Вдалеке дымят две трубы алюминиевого завода, который едва ли является опорой промышленности городка. В этих землях, вообще, полная безнадега, нет пути вперед, одно лишь сумеречное выживание и ожидание иностранных моряков.

А еще Нина знает, что этот траулер привез не только рыбу. Зайдя в порт в Германиш, он загрузил в свой трюм партию оружия и боеприпасов: американские винтовки, немецкие пистолеты, пулеметы из Ливии и разнообразные взрывчатые вещества. Целый коктейль, собранный со всего мира, который впоследствии переправится на нужды ИРА.

Нина знает это, потому что это известно двум парням, которые сидят перед ней на траве и следят за тем, как пришивартовывают траулер.

Парни – совсем еще юнцы, им не больше шестнадцати, но Нина чувствует огонь в их сердцах, такой мощный и прицельный, он разгорелся уже давно, и до сих пор ни на йоту не затух. Они полны решимости, бесстрашия и жажды мести – главной заводицы в их жизненных приключениях. Эти парни близки гораздо больше, чем друзья, теснее, чем братья, они объединены общей клятвой, которая ведет их вперед к намеченной цели, и они ни на секунду не сомневаются в собственной верности, как и в победе.

– Они перегрузят оружие на склад этой ночью, у нас будет два дня, – говорит черноволосый паренек, его куртка изрядно поношена и протерта от постоянных ночевки в под-

валах и сараях, а старая вязаная шапка – явно девчачья.

Нина знает, что через два дня мимо залива будет проплывать контейнеровоз, на борт которого и доставят оружие для дальнейшей транспортировки повстанцам. Капитан корабля рассчитывается наличными и на этом сделка будет завершена до следующей партии.

А еще Нина знает, что через два дня, русский командир контейнеровоза очень удивится, когда примет на борт двух подростков, но потом решит, что влезать в местные разборки он не намерен и рассчитается с ними за привезенное оружие. В конце концов, какая разница, кому платить? Товар-то на месте. А драки за обладание этого торгового сектора – правило в криминальных кругах, другого способа отвоевать себе место в ряду элиты нет. Поэтому капитан даже спрашивать не будет, что случилось с предыдущими торговцами.

– Скажи парням, что нападаем завтра рано утром, – произнес второй парень, чьи волосы играли на свету темной карамелью.

Первый с опаской взглянул на друга.

– Ты уверен?

В ответ русоволосый улыбнулся хищной улыбкой.

– Я еще никогда не был так уверен, как сейчас, – ответил он.

Этого ответа было достаточно для того, чтобы его напарник набрался твердой веры в правильности решения.

Он слегка поворачивает голову так, чтобы краем глаза увидеть сидящую позади них Нину.

– Все подслушиваешь? – спрашивает он знакомой интонацией.

Нина кутается в куртку от поднявшегося ветра.

– Ты же сам меня пригласил, – отвечает она.

И практически слышит движение его мышц от растянувшейся улыбки.

– Как тебя зовут? – спрашивает Нина.

– Я не вижу смысла в банальном представлении. Ты ведь не за этим сюда пришла.

– А для чего тогда ты вызвал меня?

– А разве я звал?

– Но я же здесь.

– Да, – задумывается он, – и это странно.

– Кто же тогда пригласил меня, если не ты?

Он поворачивает голову и смотрит на друга, смело взирającego на будущую добычу.

– Я хочу познакомить тебя с сыном, – произнес он.

Нина удивилась и даже задержала дыхание. На лице растянулась неконтролируемая улыбка. Наконец-то она становится частью семьи по-настоящему. Эрик доверяет ей настолько, что готов не просто представить ее сыну, а ввести Нину в жизнь маленького мальчика. Он будет знать ее, думать о ней и помнить до конца своей жизни.

Но вместе с тем Нина ощущала нечто совсем иное, отличное от ее скоропалительных выводов и наивных ожиданий. По мере изучения этого чувства, она все яснее осознавала, что причина, по которой Эрик решил познакомить их, не в его желаниях сделать Нину частью семьи. Более того, причина совершенно обыденна и проста, словно он в очередной раз хотел прочертить рамки их взаимоотношений. И как только Нина осознала это, до нее дошло, чем все это утро пах Эрик. Это был запах озлобленности и раздражения на нее – Нину. Ей не следовало заглядывать вчера туда, куда Эрик строго настрого запретил. Она будто нагло ворвалась в его интимное пространство, которое он так тщательно закрывал на сотню замков и тысячу засовов. Можешь хоть сколько копаться в его мыслях и воспоминаниях, в его ошибках и раскаяниях, но не смей лезть в его интимные отношения и тем более наблюдать! В тот момент, когда их глаза встретились всего на долю секунды, Эрик почувствовал себя, чересчур открытым, уязвленным, слабым, словно Нина обнажила его нутро, выставила напоказ его душу и прилюдно высмеяла.

Эрик был зол на Нину, и не собирался этого скрывать. И это казалось странным, потому что раньше его нисколько не смущал тот факт, что обо всех его любовных похождениях Нина уже знала все, что можно. Она могла даже назвать имя каждой однодневной женщины, пересчитать количество часов, что они провели вместе, и расписать целый календарь его жизни с комментариями о том, в какой день, и в какую

его часть он был с той или иной женщиной в той или иной позе. И для Эрика это не было секретом, иногда он даже позволял себе обсудить с Ниной его интимные приключения и посмеяться. Но с каких-то пор это стало неуместным.

И Нина знала, с каких.

Чертовы Монстры пересекли черту, которой она страшилась, как раскаленного железа. Тот вечер она помнила смутно, потому что Монстры руководили ее телом, пока она заперлась в камерке сознания. Но очнувшись, Нина ощутила вкус Эрика на своих губах. Он сделал это для того, чтобы спасти ее, и, тем не менее, воспоминания о страстном моменте каждый раз захватывал дух и сжимал желудок в кулак. Нина впервые ощутила столь сильное физическое желание мужчины.

Они так и не поговорили о том, что произошло, и Нина знала, почему. Эрику было стыдно. Потому что он тоже ощутил сильное влечение к ней, и остановил себя невероятной силой воли. С тех пор он намеренно охладел к Нине, чтобы больше не провоцировать ни ее дружков, ни себя самого.

– Он болен, – констатировала Нина.

Эрик тяжело вздохнул.

– Ретинобластома, – ответил Эрик.

Нина видела этого веселого мальчишку пяти лет в очках с заклеенной правой линзой, но никогда не испытывала по его поводу тревожных ощущений. Сын Эрика проживет долгую жизнь, и самые грозные опасения Эрика были напрасны.

Эрик хотел услышать это от Нины, а Нина обязана давать ответы на его вопросы.

Автомобили въехали на парковочную зону возле одного из четырехэтажных домов в загородном жилом комплексе. До города было всего пятнадцать минут езды, а казалось, что они очутились в совершенно другом мире. Комплекс был расположен в окружении ельника, и потому здесь витал мягкий хвойный аромат. Цветастые детские площадки, зоны выгула собак, парковые аллеи и маленькое искусственное озеро. Казалось, этот рай был специально возведен для семей с маленькими детьми. Но насколько все это казалось уютным, благоустроенным и даже немного сказочным, настолько же чужеродным и неприязненным это было для Эрика. Он до сих пор не проникся семейным духом, заставляющим покупать газонокосилку и надувной бассейн.

Телохранители остались снаружи, по привычке подозрительно озираясь по сторонам, словно вон за той детской горкой мог прятаться целый отряд из врагов.

Эрик с Ниной прошли по лестнице на второй этаж и очутились в белоснежном холле, уставленном колясками и детскими велосипедами. Нину охватила легкая зависть от вида всех этих разноцветных железяк с колесами – у нее никогда не было велосипеда. Она даже не уверена, умеет ли кататься на нем. Но в инвалидной коляске она – настоящий профессионал.

Эрик позвонил в дверь, и через секунду та распахнулась.

– Привет! Заходи скорее, у меня пирог подгорает!

Женщина даже не дождалась, пока гости войдут, и уже исчезла в просторах квартиры.

Эрик пригласил Нину вперед и зашел следом.

Нине квартира показалось уютной, несмотря на огромную площадь в сотню метров, для двоих тут места определенно хватало с излишком. Интерьер был выдержан в ослепляющих белых тонах, что придавало квартире еще больше объема. Разнообразные мягкие игрушки всех размеров, мозаики, фигурки солдатиков, автомобилей, даже длинная рельсовая дорога: все было разбросано по периметру квартиры. Кучи одежды, и женской и детской, свалены по углам гостиной. Где-то в глубине разрывалась от работы стиральная машина, на кухне дребезжали тарелки, хозяйка что-то натирала щеткой, а в воздухе раздавался аппетитный ванильный аромат, настолько густой, что даже были открыты форточки.

Эрик снял пальто и помог раздеться Нине.

– Садись в гостиной, – сказал он, а сам стал собирать кучи одежды и относить их к разгневанной стиральной машине, чья брань слышалась во всем доме.

Нина села на кожаный диван и стала оглядываться. Да, женщине представилась непростая задача наведения порядка в этом огромном царстве, ей бы не помешала помощь.

– Почему бы ей не нанять домработницу? – спросил Нина, пока Эрик собирал разбросанные на полу игрушки в большой контейнер.

– Нанимали. Но никто ей не подошел. Она слишком требовательна, любит делать все сама. Правда, не всегда успевает, как видишь, – ухмыльнулся Эрик.

Нина уже поняла, почему. И вопрос по этому поводу Эрик тоже задавал, правда, мысленно. Видимо, боялся собственных предположений. А Нина тем временем уже узнала, что этим утром после сообщения Эрика о предстоящем визите через пару часов, здесь был убран белый ковер с пятнами от красного вина. А широкий журнальный столик так назойливо пах чистящим средством, что казалось, будто Нине его засыпали в нос. Но запах рвотных масс от Нины не скрыть. Да и ванильный аромат выпечки и открытые форточки старались скрыть совсем другой запах. Так пахнет вся жизнь Эрика.

Но Эрик еще не задал этого вопроса, и Нина, играя по его правилам нарочитого соблюдения первоначальной договоренности, молчала, как самый честный партнер.

– Эрик, ты так удивил своим внезапным визитом, что я ничего не успела, – весело говорила женщина и, наконец, появилась из-за угла.

Ее глаза тотчас же наткнулись на сидящую на диване Нину, и фальшивая улыбка сползла с лица.

– Ты не говорил, что будут гости, – сказала она, тщательно скрывая раздражение.

Нина оглядела хозяйку. Это была высокая женщина около тридцати, достаточно фигуристая, с пышными формами. Ее длинные волнистые волосы были выкрашены в платиновый

цвет, отчего пушились в разные стороны из-за процедуры обесцвечивания, ведь на самом деле она была брюнеткой, и густые черные брови доказывали это. Она была одета в клетчатую рубашку и джинсы, и это были единственные чистые вещи, что она нашла сегодня в шкафу.

Эрик, наконец, поднялся с пола.

– Нина, это Стелла. Стелла, это Нина, – представил он обеих.

Стелла скрутила недовольную гримасу и уставилась на Эрика.

– Я же просила тебя не приводить сюда своих пассий. Как ты объяснишь ее присутствие сыну? – злость в ее голосе перестала быть скрываемой.

– Нина – мой друг, и не более того, – ответил Эрик.

Недавний поцелуй невольно всплыл в памяти, и Эрик тут же замкнулся.

– Друг, ага, как же, – съязвила женщина.

– Стелла, заткнись. И позови моего сына, – резко оборвал ее Эрик.

Стела немного помедлила, а потом исчезла в глубинах квартиры. Не прошло и минуты, как послышались торопливые детские шаги.

– Папа!

Мальчуган так быстро пересек гостиную, что Нина даже не заметила, как малыш уже воткнулся в ноги отца и крепко обнял.

– А вот и мой супермен! – воскликнул Эрик и с легкостью поднял мальчика в воздух и закружил.

Темноволосый мальчуган звонко смеялся, расставив руки в стороны, изображая самолет. Эрик усадил сына на руках.

– Как себя чувствуешь? Больше не тошнит?

– Тошнит. Я пью другие таблетки. Теперь они желтые. И от них тошнит сильнее, – весело рассказывал мальчик.

– Ничего, потерпи, сынок. Скоро станет легче, – также весело ответил Эрик, хотя нотки грусти все равно не ускользнули от внимания Нины.

– Доктор выписал новый рецепт. Метотрексат больше не действует, – пояснила Стелла.

– Как дела в школе? – спрашивал Эрик, вытирая засохшие следы от шоколада на пухлой щеке мальчика.

– Я могу написать свое имя! – похвастался малыш.

– Уже? – наигранно удивленно спросил Эрик.

– Да! Хочешь, покажу?

– Может, позже? Я хочу познакомить тебя с моим другом.

Эрик опустил сына на пол перед Ниной.

– Бруно, знакомься, это – мой друг. Ее зовут Нина, – сказал Эрик, сев возле сына на одно колено.

– Привет, Нина! – воскликнул мальчик и протянул ей руку.

Нина улыбнулась столь взрослому жесту.

– Привет, Бруно. Рада познакомиться, – Нина не посмела проигнорировать столь смелое и в то же время невин-

ное предложение о рукопожатии. Уж прикосновение ребенка точно не ошеломит ее больше, чем то, что она уже повидала.

Каштановые волосы Бруно достались от отца, это было заметно по тому, как они торчали волнами в разные стороны. Очки с залепленной правой линзой сползли на самый кончик носа, и он смешно задирает голову, не понимая, что надо поднять очки. Футболка с человеком-пауком была заляпана шоколадными пятнами, а флисовые синие трико, как поняла Нина, были выкопаны сегодня на дне корзины для грязного белья.

– Эй, Бруно, Нина хочет немного на тебя посмотреть. Мы же разрешим ей? – играючи спросил Эрик.

Мальчик задумался.

– А что она хочет увидеть? – спросил он в ответ.

Стелла подошла поближе, не понимая замысла Эрика.

– Она хочет посмотреть на твой глаз. Нина не верит, что ты не боишься этой злой опухоли.

– Я нее нисколько не боюсь! – Бруно обратился к Нине.

– Это здорово, Бруно. А можно я посмотрю, какая она некрасивая и страшная? – подыграла Нина.

Бруно снял очки и продемонстрировал свой недуг. У него, как и у отца, были карие глаза, но из-за опухоли правый глаз приобрел зеленоватый оттенок, а зрачок застыл в одном положении, не расширяясь, не суживаясь, и внутри сверкало бельмо. Это была крайняя стадия ретинобластомы, и вопрос, на который Эрик хотел получить ответ, звучал так: будет ли

операция по удалению глаза эффективной, как утверждают врачи?

Нина чуть нахмурилась и стала вглядываться сквозь мальчика.

Взгляд исподлобья, с которым незнакомка пялилась на ее сына, взбесил Стеллу не на шутку. Ее не волновало, кого пялит ее бывший муж, но когда какая-то шлюха трогает ее сына и подвергает непонятному осмотру, раздражало материнский инстинкт защитить своего малыша. Но в то же время Стелла боялась сказать что-то против, потому что Эрик был настроен весьма решительно, и сидел возле сына в полном молчании, пока эта тощая сука рассматривала ее сына.

– Мне жаль, Эрик, но глаз удалят, – произнесла Нина, наконец.

Эрик тяжело выдохнул.

– Но не в глазу причина, – продолжила Нина, – у него что-то здесь в позвоночнике, – Нина ткнула на поясницу. – И оно очень схоже с тем, что я вижу в глазу.

– Еще одна опухоль? – удивился Эрик.

– Да. Но она давнишняя.

– Врачи ничего не говорили про позвоночник, – опешил Эрик.

– Пусть проверят тщательнее.

Уверенных слов Нины было достаточно для Эрика, чтобы взорвать онкологический центр, если вдруг окажется, что его сын потеряет глаз из-за того, что какой-то недоврачишка

пропустил один очаг опухоли, взрывчатки у Эрика уж точно хватит. Эрик знал, как быть настойчивым в своих требованиях. Слишком много боли и страданий пришлось пережить его сыну, а ведь ему всего лишь пять лет.

– Черт возьми, Стелла, своди его парикмахеру! – Эрик приглаживал лохматые волосы Бруно.

– Отведу, не переживай, – Стелла закатила глаза и снова направилась в кухню.

Эрик последовал за ней.

– Я переживаю, потому что ты ни черта не справляешься сама! Посмотри, во что превратилось это место!

Вдруг из криминального авторитета Эрик превратился в требовательного папашу с собственными взглядами на воспитание ребенка, хотя и видит его раз в неделю, а то в две, и уж кому и нужны нотации по родительской ответственности, так это ему.

Они скрылись где-то за поворотом, и ссора разведенных родителей продолжилась вроде бы и не перед ребенком, но от этого она не стала менее слышной.

– Я справляюсь! Просто твой визит внезапен! Мог бы хотя бы вчера вечером позвонить! – спорила Стелла.

– Ты прекрасно знаешь о нашей договоренности из-за твоих проблем! Я прихожу, когда захочу!

– Твои нравоучения меня уже достали! Нет у меня больше проблем! Я исправно сдаю для тебя кровь и мочу каждый месяц, несмотря на то, что это унижительно! Тебе всегда бы-

ло наплевать на мои чувства!

– Надо было раньше думать о своих чувствах, пока была возможность обраться! Я давал тебе слишком много шансов!

– Да иди ты к черту, Эрик! Я стараюсь изо всех сил! А все, что получаю взамен, это твои упреки! Хоть бы раз оценил мои старания!

Бруно ковырялся в миниатюрном автомобиле, пытаясь оторвать от него колеса, и что-то напевал себе под нос, пока его родители разносили друг друга на кухне. Нина удивилась, насколько легко ей слышать детские мысли и видеть его воспоминания. Нина даже не прикладывала усилий, образы лились сами, словно малыш желал поделиться ими с любым живым существом, которое могло бы исправить все то, что заставляло его грустить. Нина подозревала, что, скорее всего, залезть в голову к любому ребенку гораздо проще, чем к взрослому. Дети – как открытая книга, листай себе да и смотри картинки. Они не скрыты стыдом или смущением, ложью или страхами. Дети расскажут все, что захочешь, просто попроси. Но насколько они открыты для тебя, настолько же они уязвимы всему, что видят и слышат вокруг, и надо быть осторожным с содержанием, которое вливаешь внутрь детского мозга. Ребенок – это не другой вид организмов, дети – это будущие взрослые, и все его внутренне мироустройство будет ровно таким, каким его вылепят окружающие условия и люди. Нина знала больше остальных, каково это – страдать

от ошибочных идей, заложенных в мозг в детстве.

– Научи меня писать твое имя, – произнесла Нина.

Бруно обернулся, и в его глазах читался восторг. Он молча схватил Нину за руку и повел в свою комнату.

Очередное пестрящее разными красками игрушечное царство с лилипутами: игрушками, самолетами и мультяшными фигурками. Нина закрыла дверь спальни, и родительская ругань исчезла в мире за дверью. Бруно усадил Нину на маленький игрушечный стул, в котором она еле поместилась, словно она превратилась в его ученицу, а сам встал перед детским мольбертом и начал вырисовывать фломастером кривые буквы.

– Это «Б». Как барабан, – объяснял он Нине.

А Нина слушала с наигранным интересом, параллельно ныряя все глубже в его жизнь, и главное в жизнь его матери.

– Это «Р». Как рак.

Проблемы Стеллы никуда не ушли, более того, они лежали тут в квартире в данную минуту, и будь Эрик настойчивее, он бы смог их найти.

– Это «У». Как...

– Утка, – подсказала Нина.

– Точно! Ты получаешь пятерку!

Нина радостно хлопала в ладоши.

– Это... – Бруно снова призадумался, вспоминая, какая буква идет следом, – «Н»! Как носок.

Если Эрик узнает, что Стелла взялась за старое, он от-

берет у нее Бруно. Нина это знала наверняка. Но вот чего она не знала – так это имеет ли она право сообщить Эрику о проблемах Стеллы, если он сам не спросит? И опять Нина возвращается к невозможно жестокой дилемме: говорить о проступке или нет? В законодательстве тот, кто наблюдает за злодеянием со стороны, заочно становится соучастником преступления. Ну, и как, скажите на милость, работать в таких условиях? Эрик своим соглашением заставляет Нину становиться пособником зла, а все из-за своего нежелания знать иной раз правду, видишь ли, они может слишком сильно ранить его чуткое сердце убийцы и наркоторговца. Но сколько бы Нина не пыталась найти решение этой дилеммы, все выводы неотступно подходили к одному бесспорному факту: Нина будет делать так, как прикажет Эрик, потому что ей невыносимо больно чувствовать его злобу на нее.

Внезапно Бруно опустил фломастер и потянул носом. Он плакал.

– Не хочу, чтобы маму опять забрали, – прошептал он.

И тут Нина поняла, что Эрик был до невозможности жалок со своим глупым страхом перед правдой. Вот – кто имеет значение, вот – для кого надо стараться изо всех сил, потому что твое решение, кажущееся пустяковым и незначительным, на самом деле, изменит весь мир этого малыша.

– Почему ты думаешь, что ее заберут? – спросила Нина.

Бруно стоял к Нине спиной и вытирал слезы.

– Потому что ее всегда забирают, когда она болеет, – от-

ветил он.

Нина видела в его воспоминаниях, что, несмотря на недуг Стеллы, она всегда старалась быть любящей матерью, и у нее это получалось. Даже сильнейший угар не мог побороть стойкий материнский инстинкт, и если Стелла и давала слабинку, то Бруно всегда был под ее контролем. Нина искренне завидовала Бруно, потому что его мать готова была оторвать голову всем, кто хоть пальцем прикоснется к ее сыну. Включая и голову Нины.

– Не волнуйся, мама останется, – сказала Нина.

– Ты обещаешь убедить папу? – Бруно повернулся к Нине и уставился на нее просящими глазами.

Нина сняла его очки и протерла линзы от влажных капель, а потом надела обратно.

– Обещаю.

– Я знаю, что ты поможешь. Ну... мне так кажется. Мне кажется, ты хорошая.

Бруно улыбнулся, и сердце Нины сжалось от болезненной тоски так, что слезы теперь набежали на ее глаза.

– Ты очень смелый, Бруно. И этим ты мне кое-кого напоминаешь.

– Друга? – с интересом спросил малыш.

Нина кивнула, потому что ком в горле мешал говорить.

– Ты скучаешь по нему?

Слеза скатилась по щеке.

– Очень, – прошептала Нина. – Она тоже верила, что я

умею помогать.

Бруно вдруг убежал к угол комнаты и начал ковыряться в большом контейнере, наполненном игрушками, и через минуту возни подбежал к Нине обратно с победным триумфом в руке.

– Вот, возьми. Это тебе, – сказал он и протянул маленькую трубу. Фольга с узорами из блестящих звезд уже местами оторвалась и затерлась, где-то были следы от вездесущего шоколада, и сама труба была очень липкой.

– Что это? – Нина аккуратно рассматривала игрушку.

– Это волшебный глаз. Посмотри в него!

Нина не могла не повиноваться столь настойчивому приказу, не терпящему отказа, и посмотрела в трубу. Это оказался калейдоскоп. И сердце Нины снова защемило от немилостивой скорби. Тори часто носила с собой эту игрушку с разноцветными стеклышками внутри, которые складываются в пестрые радужные узоры, и они никогда не повторяются. Нина держала в руках память о Тори.

– Когда мне грустно, я смотрю в волшебный глаз. Он такой цветной, что грусть пропадает! Правда же? – Бруно все ходил вокруг Нины и выпытывал у нее согласие со своими словами.

Нина вновь не могла отказать, ведь калейдоскоп и впрямь завораживал.

– Твой волшебный глаз и впрямь чудесный! Но я не уверена, что могу его взять. Ведь тогда тебе не во что будет смот-

реть.

Бруно махнул рукой.

– Это мой старый глаз! Я сейчас смотрю вот в эту волшебную ракету!

Бруно подбежал к столу и указал на еще один калейдоскоп, правда поновее и явно дороже.

Нина улыбнулась мальчику и прижала игрушку к сердцу.

– Я буду беречь твой подарок, Бруно. От него и впрямь мир становится красочнее, – сказала Нина.

Бруно довольный ответом улыбался.

Внезапно дверь в детскую открылась, и в проеме показался Эрик.

– Нина, ну что?

Нина тут же встала со стула как по команде. Эрик был крайне возбужден, видимо перепалка с бывшей супругой прошла по плану.

– Мы тут просто играем, – выпалила Нина, словно убеждая разгневанного отца, что ничего плохого они тут не делали.

– Папа, ты уже уходишь? – грустно спросил мальчик.

– Эй, мой супермен! – Эрик словно вспомнил, что в детской комнате еще был и его сын. – Мне пора идти, но мы увидимся с тобой завтра в больнице, мой боец!

Эрик взял сына на руки и обнял.

Нина тут же поняла команду Эрика и проследовала в прихожую. Видимо, до ванильного пирога дело не дойдет, и жи-

вот обиженно заворчал.

– Ты – чертов эгоист, Эрик Манн! Ты всегда им был и так и остаешься и по сей день! – кричала Стелла, выходя из гостиной.

Ее расщепившие глаза снова встретились с глазами Нины, и последняя опустила взгляд, не желая участвовать в их ссоре. Наивно полагать, что если не смотреть врагу в глаза, то становишься невидимым для него.

– Мне насрать, как долго он трахает тебя, дорогуша, но к моему сыну лезть не смей!

Стелла угрожала так убедительно, что от ее напора Нина прижалась к стенке и не двигалась.

– Стелла, заткнись, твою мать! – в коридоре показался Эрик.

– Не затыкай меня в моем доме! Может ты его и купил, но это не дает тебе право появляться здесь раз в месяц и устанавливать правила! Ты понятия не имеешь, каково это – иметь ребенка! Сделал дело, и все – он уже отец! А всю работу обязана делать я!

– Найми помощницу, черт тебя дери! Да хоть десять помощниц! Ты же сама этого не хочешь!

– Они все некомпетентны! Я не доверю каким-то шалавам моего сына!

Эрик гневно вдохнул и выдохнул, эта женщина выводила его из себя похлеще недавних разборок с Пастаргаями, а ведь те имели автоматы и гранаты.

– Нина?

Вопрос Эрика прозвучал так грозно, решительно и так непонятно поначалу, что Нина опешила, не понимая, чего от нее ждут. Но вся остальная часть вопроса читалась в его глазах. Пришлось признать неприятный факт – он его таки задал.

Взвесив все обстоятельства и возможные последствия, Нина вздохнула и ответила:

– Да. Она снова подседа.

– Что? – Стелла была ошарашена.

– Где? – гневно спросил Эрик, сверля Нину глазами.

– В наволочке подушки на кушетке в ее спальне, – ответила Нина.

Глаза Стеллы округлились до безумия.

– Что? Как? Эрик, я...

Но Эрик уже сорвался в спальню, Стелла побежала за ним вслед, окидывая Нину разъяренным взглядом. Имела бы она способности испепелять людей этим взглядом, от Нины бы уже осталась лишь горстка пепла.

– Эрик, постой! Эрик! Подожди! – умоляла Стелла по пути, от ее напыщенного гонора не осталось и следа.

Нина медленно натягивала пальто, намотала шарф, а потом прижалась спиной к стене и тяжело вздохнула. В проеме детской на нее смотрел глаз просящего малыша.

Было слышно, как в спальне Эрик потрошил подушки одну за другой. Стелла все это время причитала и умоляла

остановиться, она даже бросалась на Эрика, но он отталкивал ее и продолжал искать. Подушка, про которую говорила Нина, валялась под очередной кучей нестиранной одежды. Эрик, наконец, понял, почему в квартире царил такой хаос – Стелла снова начала колотиться.

Разворошив подушку, Эрик достал металлический футляр, внутри гремел многоразовый шприц и несколько доз с героином.

– Ах ты, лживая сука! – взревел Эрик.

– Эрик, пожалуйста! Я объясню!

Стелла вцепилась в рукав рубашки Эрика, но тот схватил их за запястья и грубо оттолкнул женщину так, что та повалилась на пол.

Эрик ворвался в холл полный ярости, казалось, он начнет крушить все, что попадаетеся по пути. За ним бежала Стелла.

– Эрик, пожалуйста, выслушай! Я уже давно не кололась! Я клянусь тебе!

Эрик прижал женщину к стене и заорал прямо в лицо:

– Ах, значит, давно? Хорошо! Мы сейчас же едем в больницу, и ты сдаешь кровь и мочу на анализ! Что они покажут, скажи мне? Покажут, что ты чиста?

Стелла хотела было что-то ответить, но ее лицо снова исказилося в плаче.

– Я сдам через неделю, обещаю! – ответила она.

Но ее слова еще больше взбесили Эрика.

– Какая же ты мразь! Ты все продолжаешь лгать и лгать!

Как же я ненавижу тебя!

Эрик снова кинулся в детскую. Стелла бежала за ним и продолжала умолять.

Но для разговоров было уже слишком поздно. Стелла использовала свой шанс показаться благоразумной, не устраивая очередной перепалки, и не обвиняя Эрика в чрезмерной требовательности. Увы, ее обман не сошел с рук.

– Бруно, одевайся! – рявкнул Эрик так, что Бруно дернулся и забился под кровать.

– Что ты собираешься делать, Эрик? Пожалуйста, не надо! Не забирай его! – рыдала Стелла.

– Заткнись! Слышишь? Заткнись, сука! Ты мне все уши прожужжала своим лживым дерьмом! Я устал, понятно? Я устал давать тебе шанс исправиться! Я оплачиваю все твои счета, все твои расходы, и прошу в обмен лишь завязать, а что получаю в итоге? Да я лучше найму целое полчище воспитателей и нянь для Бруно, чем оставлю его с тобой! Ты – не мать! Ты лживая дрянь и наркоманка! Не трогай меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.